

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ПЕРВАЯ КНИГА ЦИКЛА "СВОДНЫЙ БРАТ"

НИКИ БЕЙЛИ

Сводный брат

— Я НЕНАВИЖУ ТЕБЯ, КЕМ БЫ ТЫ НИ БЫЛ
— ПОВЕРЬ, ТВОИ ЧУВСТВА ВЗАИМНЫ

18+

Ники Бейли
Сводный брат
Серия «Сводный брат», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66017793

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-95310-9

Аннотация

Мне трудно дышать. Пережить смерть отца – слишком тяжело. Кажется, ещё немного и я задохнусь. Мысленно повторяю мантру «я сильная, я смогу», до боли сжимая кулаки и уже не замечая солёных дорожек на своих щеках. Сегодня я вынуждена вернуться в Монтану к матери, с которой не виделась четыре долгих года. К матери, которая, кажется, снова собралась замуж. Отныне мне придётся выживать под одной крышей со своим злейшим врагом. Одно успокаивает – он ненавидит меня так же сильно, как и я его. Первая книга серии «Сводный брат».

Содержание

Глава 1. Лекси Рид.	5
Глава 2. Лекси Рид.	12
Глава 3. Лекси Рид.	26
Глава 4. Лекси Рид.	38
Глава 5. Лекси Рид.	50
Глава 6. Лекси Рид.	61
Глава 7. Лекси Рид.	79
Глава 8. Лекси Рид.	90
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Ники Бейли

Сводный брат

Предисловие:

Это первая книга из дилогии «Сводный брат», законченная мной в декабре 2020 года, почти под Новый год. И моя самая первая книга в принципе. Я искренне люблю каждого своего персонажа и верю, что они найдут своё место и в ваших сердцах.

Для моих самых дорогих читателей. Без вашей поддержки ничего бы не вышло. С любовью, ваша Ники Бейли.

Глава 1. Лекси Рид.

Мне трудно дышать.

Переживать смерть отца слишком тяжело. Казалось, ещё немного и я задохнусь. Мысленно повторяла мантру: «Я сильная, я смогу». До боли сжимала кулаки, уже не замечая солёных дорожек на своих щеках. За последнюю неделю этого августа слёзы стали обыденностью.

Тем утром меня разбудила Тесса. Я видела в глазах подруги беспокойство, но уже привыкла к такому её взгляду за эти семь дней.

Замерла тишина, такая страшная и гнетущая, словно в день похорон, когда всё закончилось, когда рухнул мой мир. Я покрылась мурашками: боль от воспоминаний снова сковала меня, заставив конечности холодеть. Образ отца каждый раз вновь и вновь отдавался глухой болью где-то в грудной клетке. И эта боль не проходила на следующее утро, лишь терзала с каждым разом сильней.

С этими безысходными мыслями я присела на краю постели, сонно потирая глаза. Слишком отвыкла за лето от серого утра, от раннего пробуждения. Сегодня я вынуждена вернуться в Монтану к матери, которая меня ненавидит.

Тесса Абрамсон, без чьей поддержки я наверняка бы сошла с ума от тоски, была удивительным созданием. Время ещё не лишило её глаз блеска и радости. Наша дружба нача-

лась с начальной школы в нулевом классе, когда нас посадили за одну парту. Тессе было всего пять, а я была одна из четверых самых старших в классе шестилеток, которых по тем или иным причинам отдали на учёбу позднее. Я всегда защищала её. Девушка была полной моей противоположностью: высокая блондинка около пяти футов и восьмидесяти двух дюймов,¹ с волосами цвета пшеничный блонд, достигающими до плеч, и бледно-нефритовыми глазами. С её ангельской внешностью у неё был не менее ангельский характер и поистине добрый нрав. Покладистая, отзывчивая, заботливая. Рассудительна и всегда логична в своих поступках. За это её все и любили.

Я же, хм... А что я? Лекси Рид всегда отличалась дерьмовым характером. Я не умела себя контролировать. Абсолютно. Говорила то, что думала, а не то, что было принято в обществе. Всегда совершала необдуманные поступки, будучи чертовски эмоциональной и малость злопамятной. Я много ругалась и не верила в Бога. Зачастую использовала людей. Так можно было продолжать до бесконечности. Проще называть положительные качества, ведь их гораздо меньше.

Меня всегда удивляло, как Тесса терпела меня со всеми моими тараканами. Однако отец частенько говорил, что мы прекрасно дополняли друг друга в нашем тандеме. Абрамсон являлась для меня кто-то вроде сестры, которой у меня

¹ Пять футов восемьдесят два дюйма – равняются ста семидесяти семи сантиметрам, или же одному метру семидесяти семи сантиметрам.

никогда не было. И я знала, что должна ограждать её от всего плохого, что мог преподнести этот мир. Но теперь, скорее она оберегала меня от самой себя. И только ради неё я старалась быть сильной и не сорваться. *Других близких людей у меня больше не осталось.*

Из моих мыслей меня вырвало чьё-то невесомое прикосновение к плечу. Тесса. Тонкий флёр духов: пионы, ландыши и ещё что-то нежное, бесспорно, лёгкое и цветочное, на миг окутал меня незримым облаком. Я наскоро вытерла слёзы рукавом чёрного свитера. Не хотелось её расстраивать. Подруга и так терпела мои истерики на протяжении недели.

– Слёзы – это средство вымывать боль из души и сердца. И нет ничего постыдного в том, что ты плачешь, милая, – обняв меня, произнесла Абрамсон.

Её зелёные глаза выражали глубокую печаль, а на лице отражалась едва заметная скорбь. Светлые волосы собраны в незатейливую косу, под глазами залегли синяки. Лучшей подруге тоже тяжело далась смерть моего отца.

– Я просто не знаю, как жить дальше, честно.

– Тебе нужно время. В конце концов всё будет хорошо, – пристально оглядев меня с головы до ног, сказала подруга. – Уже собрала чемоданы? Вылет вечером.

Я окинула взглядом комнату, такую родную, но уже совсем чужую. И чемоданы, к которым почти не притронулась. Слева от окна, у стены находилась моя кровать, на которой возле подушек одиноко сидел плюшевый мишка, подарен-

ный отцом в раннем детстве. Справа – стол с ноутбуком. Над ним множество фотографий, на которых запечатлены самые счастливые моменты прошедших четырёх лет, а также школьные и спортивные награды. Сбоку от кровати – вход в небольшую гардеробную, к обустройству которой я подошла со всей душой вместе с Тессой, выбирая даже такие мелочи, как вешалки и плетёные корзинки. Но без отца наша уютная квартирка в Сиэтле стала всего лишь душным помещением, полным болезненных воспоминаний.

– Дальше нет смысла тянуть, не так ли? – тяжело вздохнула я, забрав спутавшиеся локоны в высокий пучок и небрежно зафиксировав их резинкой. – Мне всё равно придётся вернуться к ней.

– Возможно, за эти годы твоя мать изменилась?

– Я не знаю, Тесса, – изо всех сил стараясь не злиться, ответила подруге. – Это ты живёшь с ней в одном городе, а я не виделась с Джоан все долгие четыре года. И не видела бы эту женщину ещё столько же, – подытожила я, усевшись на пол возле злосчастных чемоданов.

– Просто думай о хорошем. Ладно? – мягко улыбнулась Абрамсон. – Если будет невыносимо, ты всегда можешь перебраться в наш гостевой домик.

– На кой чёрт мне возвращаться в Монтану? Я совершеннолетняя и прекрасно могла бы жить одна, подальше от этой женщины. Нас с ней не связывает ничего, кроме общей ДНК.

– Не знаю, к чему всё это, но раз твой крёстный говорит,

что таково условие для получения наследства, то потерпи пару месяцев, – успокаивающим тоном произнесла Тесса.

– Уверена, Джоан согласилась приютить меня только потому, что Билл пообещал ей денег.

– Быть может, вы найдёте общий язык? Всё-таки она твоя мать. Либо, как только решится вопрос с бумагами, купишь себе квартиру.

Подруга присела рядом со мной и принялась помогать собирать вещи. Да, она, безусловно, права. Стоило потерпеть Джоан всего каких-то несколько месяцев, пока доверенный отца не докажет моё наследственное право. Всего несколько месяцев, и мать не сможет приказывать мне, что делать.

Прошло уже четыре года. Я выросла и больше не позволю ей обращаться со мной так, как раньше.

Я сильная. Так говорил отец. И не позволю сломать себя.

– Я просто хочу, чтобы это поскорее закончилось, – вздохнула, долго не находясь с ответом. – Она во всём виновата. Джоан разрушила нашу семью. И я никогда не смогу простить её за это.

Может быть, это неправильно – винить во всём мать. Вот только по-другому я не могла. И на то у меня было множество причин. Наше прошлое, совместное с матерью, не вызывало во мне ни одного приятного воспоминания. Не будь у меня отца, я не прожила бы и дня того самого «счастливого детства», о котором люди так любили вспоминать в старости, сидя на уютном крыльце в кресле-качалке, попивая

ароматный чай и кутаясь в мягкий плед.

Я зажмурилась до белых кругов перед глазами, сжала руки в кулаки и почувствовала, как ногти больно впились в ладони. В какой-то момент захотелось закричать от нестерпимо мучительной боли. Не от физической, нет. Моя душа разрывалась на тысячи осколков от обречённости и нескончаемой тоски, которые так сильно заставляли страдать. И только одна мысль помогала собраться, взять себя в руки, хоть и на время: когда-нибудь обязательно станет легче.

Пока я занималась самобичеванием и размышляла о том, как выдержать с женщиной, что звалась моей матерью, несколько месяцев совместного проживания, даже не заметила, как мы с Тессой добрались до аэропорта Сиэтл-Такома.

Погрузившись в свои мрачные мысли, бездумно, на автомате прошла регистрацию и посадку. Только оказавшись в салоне самолёта, через силу улыбнулась подруге и откинулась на спинку сиденья. Глаза начали закрываться, и я окунулась в царство Морфея.

– Уважаемые пассажиры, наш самолёт совершил посадку в международном аэропорту Миссулы. Температура за бортом плюс семьдесят два с половиной градуса,² время восемнадцать часов. Командир корабля и экипаж прощаются с ва-

² +72,5°F (плюс семьдесят два с половиной градуса по Фаренгейту – единица измерения температуры в США), равняется +22,5°C (плюс двадцать два с половиной градуса по Цельсию – единица измерения температуры в России).

ми. Надеемся ещё раз увидеть вас на борту нашего самолёта. Благодарим вас за выбор нашей авиакомпании. Сейчас будет подан трап. Пожалуйста, оставайтесь на своих местах до полной остановки, – раздался звонкий голос бортпроводницы, который вывел меня из беспокойного сна.

Здравствуй, родная Миссула. Ну что, мамочка, готова к знакомству с новой Лекси?

Глава 2. Лекси Рид.

Мы с Тессой сели в такси и, сообщив нужный адрес водителю, выдвинулись к моему старому-новому дому. Подруга ободряюще сжала мою ладонь и мягко улыбнулась. Она знала, насколько сложно мне возвращаться к матери.

– Не волнуйся, Тесс, теперь ты рядом. А Джоан я как-нибудь перенесу, – вымученно улыбнулась в ответ и хитро подмигнула подруге. – Или мы с мамочкой убьём друг друга, что не маловероятно.

– Рада, что хоть что-то заставляет тебя улыбаться, – девушка нервно хихикнула.

Я знала, она переживала за меня, а мои перемены в настроении её вовсе пугали. Но я не могла по-другому. Мне было всего восемнадцать и пережить потерю родителя в моём возрасте сложно. Хотя, уверена, подобное горе переносилось мучительно и в тридцать, и в пятьдесят.

Такси медленно проезжало по уютно-зелёной улице в тихом райончике Миссулы. Извилистая дорога то была окружена одноэтажными домиками-близнецами, различающимися только цветом крыш, то пейзаж сменялся нескончаемым хвойным лесом. Вековые, неподвижные, статные деревья. Им не было дела до душевных терзаний девушки, что вернулась в родные края. Они всего-навсего молчаливые наблюдатели. По окраинам дороги склонились тонкие, как пру-

тъя, стволы редких берёз, словно приветствовавшие путников и соседей. Я открыла окно и сделала глубокий вздох: дивный аромат хвои расслаблял, а шелест листьев и травы, щебет птиц и журчание ручейка где-то вдалеке отвлекали от дурных мыслей. Я позволила себе откинуться на сиденье и забыться. Лишь на время.

Мой родной дом был небольшим, как я помнила, но очень уютным. Одноэтажный, белый, с тёмно-коричневой черепичной крышей, мансардой вместо второго этажа и большим обустроенным балконом. Джоан всегда любила цветы. Зачастую в детстве мне казалось, что она их любила больше, чем отца и меня. Мать находила в них отдушину. Когда я была маленькой, старшая Рид вечно копошилась в саду: высаживала новые виды растений, поливала, удобряла, а позже составляла благоухающие букеты из распустившихся нежных цветков. Поэтому наш дом всегда благоприятно выделялся на фоне других участков. Вот и сейчас знакомое здание окружал цветущий, красивый сад. Маленький коттедж стоял в лучах заходящего солнца. Справа и слева, отражая закат, блестели лужицы. Значит, днём шёл дождь.

В Монтане замечательная природа, всегда свежий воздух, в отличие от крупных городов. Миссула окружена лесами, горами и заповедниками. Небольшой городок с населением всего в семьдесят с чем-то тысяч человек. Тем не менее я никогда не могла назвать его слишком скучным. Если у тебя такие замечательные друзья, как были тут у меня, тоскливо

никогда не будет. Тем более, в Миссуле находился Университет Монтаны. Из-за этого в городе всегда предостаточно студентов со всех Соединённых Штатов Америки.

Несмотря на тёплые воспоминания, некогда родной город больше не казался мне таковым. После всего того, что случилось.

Испытание на прочность моих нервных клеток началось четыре года назад, когда родители подали на развод. Мне было четырнадцать, и я отказывалась верить в происходящее. Возможно, теперь я согласилась бы, что это было по-детски глупо и наивно, но что ещё можно было ожидать от тогдашнего избалованного ребёнка?

Джоан и Артур часто ругались, но я не предполагала, что дойдёт до развода. Верила, что всё образуется, но потом решила тайно пробраться в кабинет отца. Нашла документы, подтвердившие, что моя семья на грани распада. Тогда я полночи проплакала прямо там, на полу. Меня нашёл отец. Только он мог меня успокоить. Папа обещал, что всё будет хорошо, и я верила ему. Однако всё равно боялась каждого нового дня, ведь он таил в себе неизвестность. Родители молчали, и их молчание добивало ещё больше. Когда я начала думать, что всё нормализуется, это всего лишь очередная ссора, коих было тысячи, старшие Рид решили сообщить мне крайне прискорбную новость.

В тот уютный зимний вечер городок завалило снегом. Мокрый и тяжёлый, он лип к пуховику и рюкзаку, норовил

забиться за шиворот и стечь мокрой дорожкой по шее. Я возвращалась из школы в приподнятом настроении, ведь до каникул оставалось всего полторы недели. И как любой нормальный подросток, я радовалась этому. Джейк, мой одноклассник, наконец, предложил погулять вдвоём, и я была уверена, что это свидание, посему была очень довольна подобному течению обстоятельств. Лэнг мне нравился. В принципе, он многим нравился: привлекательный внешне юноша, футболист, обеспечен и хорошо сложен. То, что он пригласил именно меня, льстило. Если бы я только знала, что ожидало меня дома, то наверняка не спешила бы вернуться. Но я не знала.

Зайдя в прихожую нашего небольшого дома, стащив рюкзак с плеч, скинула его на пол, разделась и отправилась на кухню. Хотелось чего-то пожевать. Родители сидели за столом, перебирая бумаги, при этом громко спорили друг с другом:

– А не много ли ты хочешь, Джоан? – неприязненным тоном проговорил отец, бросив на жену хмурый взгляд.

– Я слишком долго терпела, Артур! Имею право! – категорично отрезала мать.

– Ты не получишь деньги Алек... – отец прервался на полуслове, заметив меня. – Дочь?

Сердцебиение участилось, предвкушая что-то ужасное. От этих мыслей меня бросило в дрожь и началась лёгкая паника. Неужели этот кошмар происходил на самом деле?

– Александрина, – холодно начала Дžoан.

Она всегда обращалась со мной не как мать, а скорее как какая-то мачеха. Отец звал меня Лекси, а мать только Александриной. И я ненавидела своё полное имя.

– Милая, мы хотели кое-что тебе сказать, – перебил же-
ну Артур.

С отцом у меня всегда были тёплые отношения. Он был для меня всем: папой, другом, братом, наставником, примером и опорой. Все говорили, что у нас особая связь. Я знала, что мать это не одобряла. Возможно, ревновала. Она всегда мечтала о такой дочери, как Тесса: кроткой, послушной девочке, которую можно наряжать в платья, вплетая в косы банты, и хвастаться перед подругами. Но я была бы не я, если бы позволяла ей это делать. Я играла в машинки и ненавидела кукол. Мне нравились милые платьишки, но назло Дžoан я отдавала предпочтение кедам и кроссовкам. Вместо вечерних чаепитий с подругами, выбирала игры с мальчишками во дворе. Только для Тессы делала исключение.

Сердце пропустило два удара. Вот то, чего я так боялась! Сейчас родители сообщат про развод. Не хочу! Я не готова была это услышать, видеть взгляды, полные жалости. Я этого не выдержу! Почему они так поступали со мной? Ведь я их дочь! Неужели их не волновали мои чувства? Они не имели на это никакого права!

Я даже не заметила, как начала говорить:

– Я всё знаю, не старайтесь. Видела документы, – ком злости образовался в области крепко сжавшихся челюстей и начал опускаться вниз, сначала захватив горло, а потом сердце. – Я ненавижу тебя, мама! Это ты захотела развода, разрушила нашу семью! Ты испортила мне жизнь! Зачем ты вообще меня родила, если так не любишь? Тебе всегда было наплевать! – слёзы начали подступать к глазам, но я пыталась сдерживаться. Не любила, когда кто-то видел меня слабой.

Отец учил – будь сильной, и я пыталась.

Родители молчали. Даже забавно. Им было нечего ответить мне, но слов было и не нужно. Обо всём говорили их взгляды: понимающий и любящий – отца, и полный негодования – матери.

– Александрина Кетрин Рид! Да как ты смеешь так со мной разговаривать? Неблагодарная девчонка! – Джоан встала из-за стола и начала медленно приближаться ко мне. – Я твоя мать!

– Мне глубоко плевать на твои слова, мама, – нарочито громко, выделив последнее слово, сказала я.

И тут произошло то, чего я совершенно не ожидала. Всё было словно в замедленной съёмке. Я почувствовала себя героиней какого-то третьесортного фильма. Женищина замахнулась и ударила меня. Просто дала пощёчину. Сука. Разве так поступает любящая мать? Я даже не заметила, как слёзы потекли по щекам.

– Я хочу жить с тобой, папа. Я не останусь с ней. Я её ненавижу!

– Хорошо, Лекси. В таком случае завтра мы уезжаем, – тихо и подавленно произнёс отец, осуждающе взглянув на пока ещё жену.

Больше я не называла Джоан матерью вслух. Как мать она для меня умерла.

Через несколько дней мы с отцом переехали в Сиэтл, штат Вашингтон. Мне было грустно оттого, что пришлось оставить школу, друзей, дом, в котором я выросла. Но как только представляла себя в тысячах километров от папы, моё сердце разрывалось.

Мы с отцом всегда понимали друг друга. Я могла рассказать ему почти всё. Единственной запретной темой были парни.

Как ни странно, в свои восемнадцать лет я всё ещё была девственницей. Однако поцелуи на вечеринках никто не отменял, а отцу об этом знать не стоило. Артур Рид был человеком бизнеса, владельцем сети отелей. Твёрдым, как кремень, коим и подобало быть в подобной среде. Он всегда гордился, тем, что оставался невозмутимым не только в светском обществе, но и в личных отношениях. Никогда не позволял лезть себе в душу. Был равнодушным, хладнокровным, непреклонным и немного жестоким человеком, когда того требовали обстоятельства. Но только не со мной. Со своей дочерью Артур Рид всегда был таким, каким и дол-

жен быть настоящий папа. Добрым, заботливым, проникательным родителем. Готовым всегда прийти на помощь, выслушать и дать совет.

Сиэтл мне нравился: большой красивый мегаполис. У него была своя особая энергия. Я часто любила, забравшись на подоконник, наблюдать за шумной улицей, попивая какао. Город был оживлённым и днём, и ночью. С раннего утра все куда-то спешили, не обращая внимания на окружающий мир. Мне было жаль этих людей, ведь, казалось, что их жизнь была расписана по часам: дом, работа в офисе, дом. Совершенно никакого разнообразия. Зато ночью город приобретал совершенно другие краски. Светился и пульсировал. Отовсюду доносились весёлые голоса прохожих, спешивших кто куда, и приглушённая музыка из многочисленных баров и пабов. Выйдя на вечерние улицы, можно было встретить абсолютно разных людей, которые повседневно умудрялись сосуществовать в этом красивом городе: от бомжей, распивавших водку в подворотнях, и распутных дамочек, до шикарных лимузинов, в которых веселилась самая привилегированная молодёжь Сиэтла перед очередным походом в ночной клуб. Подобных развлечений в Миссуле почти не было, но иногда я скучала по её обыденности и спокойствию.

Друзей в новом городе я тоже не заводила. Лишь пару школьных знакомых ради походов на вечеринки, не более. У меня была Тесса. Большого и не нужно.

Поначалу я боялась, что мы перестанем общаться, поскольку поклялась себе, что ни при каких обстоятельствах не стану навещать Джоан. И правда была в том, что я скучала. Скучала по своей лучшей подруге, девушке, которая ни разу не предавала, знала меня так же хорошо, как и саму себя, а быть может, даже и лучше. За столько лет мы успели изучить друг друга настолько тщательно и досконально, что я знала о ней столько же, сколько и она обо мне. Иногда казалось, что во всём мире нет человека ближе. И подруга, несмотря на разделяющие нас четыреста семьдесят пять миль,³ прилетала во время зимних каникул, изредка на праздники, а летом и вовсе на три месяца. Пару раз её даже сопровождал старший брат, с которым мы дружили с детства.

Вся моя жизнь в мегаполисе с отцом была весёлой и совершенно беззаботной: я ходила в школу, а иногда пропускала занятия, намеренно притворившись больной. Посещала домашние вечеринки одноклассников, реже – ночные клубы. Однажды даже отправилась с Тессой в международный волонтерский летний лагерь, но отцу пришлось через неделю забрать меня вследствие того, что я сломала одному мальчишке нос. Нет, а что мне ещё оставалось делать? Безмозглый полудурок напился и вышел за рамки дозволенного. Пришлось «объяснить» ему, что с Лекси Рид шутки плохи. В тот день я чертовски боялась гнева отца и последующего

³ 475 миль (Путевая мера длины, используемая в США) – около 764 километров.

наказания. Но папа лишь раскатисто рассмеялся, рассудив, что я поступила резонно.

Он гордился мной. Гордился тем, что дочь так похожа на него.

В свободное от учёбы, внеклассных занятий и гулянок время, мой крёстный Билл Гибсон, по совместительству деловой партнёр и лучший друг детства отца, учил меня боевым искусствам. Мне нравилась возможность выброса накопившихся эмоций подобным способом и прельщало умение постоять за себя в любой ситуации. Я не раз благодарила друга семьи за уроки, очень полезные, учитывая мою взбалмошную натуру.

Постоянного парня в Сиэтле у меня также не было. Впрочем, я не искала серьёзных отношений. Поклонников у меня было предостаточно. Всё-таки выглядела я достаточно неплохо: небольшой рост в пять футов сорок два дюйма⁴ – достался от матери. Оливковая кожа, карие глаза и пухлые губы – от отца. И всё же больше всего в себе я любила кудрявые волосы. Тёмно-шоколадные, почти чёрные, они доходили мне до талии.

Наверняка именно из-за внешности парни частенько засматривались на меня. А я была убеждена, что все их мысли занимало только то, как затащить меня в постель, чтобы потом хвастаться всей школе о том, как сдалась «крепость»

⁴ Пять футов сорок два дюйма – равняются ста шестидесяти пяти сантиметрам, или же одному метру шестидесяти пяти сантиметрам.

Рид. В подростковом возрасте играли гормоны, но это не отменяло того факта, что в мыслях большинства моих сверстников был сплошной секс, да и только.

Впрочем, я просто не встретила ещё того, кто смог бы действительно впечатлить меня и разбудить хоть какое-то чувство сильнее обыкновенной симпатии. Того, на кого я смогла бы положиться и того, кому могла довериться. Того, кто смог бы взбудоражить разум и перевернуть весь мир, заставив сердце участить ритм.

У Тессы, в отличие от меня, был постоянный парень — Чарльз Ричмонд. Та ещё посредственность. Их отношения были настолько приторно-сладкими, Впрочем, как и сам Чарльз, что когда подруга рассказывала об очередном тошнотворно-романтичном поступке своего бойфренда, мне хотелось попросить тазик. И всё же я старалась уважать выбор подруги, хоть и не испытывала к её возлюбленному ни капли доверия. В Ричмонде совершенно отсутствовала искренность, душевность, честность. Только сама Абрамсон не замечала сего. Уезжая из Миссулы, я пригрозила бывшему однокласснику, что если он посмеет обидеть Тессу, я убью его, а перед этим буду долго и мучительно пытаться. И хоть парень понимал, что я шутила, он знал, что я не позволю причинить боль моей подруге и не оставлю его в покое, если Чарльз обидит её. Всё-таки я никогда не была хорошей пай-девочкой. Наши с ним отношения всегда были натянуты. Ричмонд считал, что Тессе не стоило общаться со мной,

будто я обязательно втяну его девушку в неприятности, а то и вовсе испорчу. Её полёты ко мне на каникулы раздражали моего бывшего одноклассника, о чём он не грешил упоминать при каждом удобном случае. И всё же перечить любимой он не мог.

Вот и в ту трагическую, жаркую и очень душную августовскую ночь совершенно ничего не предвещало беды. Мы с Тессой развлекались на каникулах в Сиэтле, готовясь к поездке, о которой мечтали долгое время. Пока безутешный крёстный не появился на пороге моей квартиры и не сообщил о смерти отца...

– Земля вызывает Лекси!

Я не знала, сколько прошло времени, прежде чем меня выдернул из воспоминаний голос лучшей подруги. Вопросительно посмотрела на блондинку.

– Мы приехали, говорю.

Всё же я действительно вернулась сюда. В этот город, в этот дом, хоть и клялась себе в обратном. Только я уже не была той беззаботной весёлой девчонкой из своих детских воспоминаний. Стала старше, слишком рано испытала боль потери, чересчур часто начала криво ухмыляться и надевала безразличную маску. Переполнена чем-то, что почти невозможно определить. То ли бесконечной усталостью и прохладной отчуждённостью, то ли безысходной звенящей тоской с привкусом горечи.

– Я позвоню тебе, ладно? – вполголоса спросила я и, до-

ждавшись утвердительного кивка в ответ, обняла подругу.

Вышла из такси, захватив чемоданы из багажника. Не знала, чего ожидать от матери: криков, выставлений за дверь, истерик, равнодушия или, возможно, даже сочувственных объятий и понимания? *Того, чего мне сейчас так не хватало.* Понимания. Но, наученная горьким опытом и четырнадцатью годами жизни с этой женщиной, я не рассчитывала даже на банальное сострадание.

Тяжело вздохнула и, вновь окинув взглядом моё новое—старое жилище, направилась внутрь.

Вот он, мой дом. Вроде родной, но в душе абсолютно ничего не ёкнуло. На первый взгляд знакомое помещение ничуть не поменялось: всё та же небольшая прихожая, стены окрашены в светлые персиковые тона. Идеально белая дверь и такого же цвета лестница, обувница с аккуратно расставленными туфлями Рид-старшей, небольшой шкаф и симпатичный придверный коврик грушевого цвета. Джоан сидела на кухне и внимательно читала какую-то книгу. Наверняка в очередной раз перечитывала «Кухню Джейми».⁵

За четыре года женщина ни капли не изменилась: всё те же тёмно-рыжие локоны до плеч, о которых я грезила в детстве, тёмно-зелёные глаза с коричневыми вкраплениями, прямой нос, аккуратные губы с приподнятыми уголками

⁵ «Кухня Джейми» — книга Джейми Оливера, английского повара, ресторатора, телеведущего, популяризатора домашней кулинарии и здорового питания. Джейми Оливер является автором известных книг по кулинарии.

рта, широкие скулы. Держалась, как всегда, прямо, вскинув подбородок, что придавало матери, несмотря на невысокий рост, грациозность и величественность. Неизменный бордовый цвет в элементах одежды – её самый любимый. Бесспорно, с Джоан мы были схожи только ростом и формой носа. В основном я пошла в отца, как внешне, так и по характеру.

Она не заметила моего прихода, потому я, коварно ухмыльнувшись, решила привлечь внимание своей драгоценной матери громким хлопком двери. А когда поймала её взгляд на себе, с наигранным равнодушием отчеканила:

– Здравствуй, Джоан.

Глава 3. Лекси Рид.

Мать смерила меня оценивающим, чересчур внимательным взглядом. Что-то меня насторожило в этом её взоре. Быть может, интуиция, а возможно, обыкновенная проницательность, но я всегда чувствовала подобные вещи. По всей видимости, не стоило ожидать ничего хорошего от женщины, сидевшей напротив. Я мигом напряглась, приготовившись в любую секунду обороняться.

– Александрина, рада видеть тебя дома, – начала она задумчиво, заботливо вложив между страницами закладку и неспешно отложив книгу на середину стола.

Ха! Конечно, рада она! Могла бы не притворяться. Я-то знала, что у неё в действительности на уме.

– Не волнуйся, я здесь ненадолго. Потерпи пару месяцев и избавишься от такой обузы, как твоя дочь.

Я сверлила мать взглядом, заметив, как с каждым сказанным мной словом переменялось выражение её лица.

– Узнаю свою дочь. Такая же хамка. Ничего не меняется, – не отрывая пристального взора от моего лица, произнесла старшая Рид, сложив руки на груди.

– О, рада стараться, – вздёрнув носик, съязвила я.

Мне хотелось вывести её на эмоции, и, кажется, я начала преуспевать в этом. По всему было видно, что мне удалось пошатнуть мнимую невозмутимость матери: здоровый цвет

лица сменился багровым оттенком, тонкие светло-коричневые брови нахмурены. Красным ноготком она нервно постукивала по обеденному столу. Наверное, я никогда не найду в этом доме душевного спокойствия, лишь постоянную борьбу с Джоан за собственное существование. Мать явно не ожидала, что я начну выдавать колкости в первые минуты нашего совместного проживания, но, совладав с эмоциями, она продолжила:

– Александрина, я понимаю, ты многое пережила и, несомненно, расстроена. Но это не значит, что нужно таким тоном разговаривать с собственной матерью. Я действительно рада, что ты вернулась домой, а не осталась жить неизвестно где в одиночестве, – это прозвучало так претенциозно и высокопарно, что я едва сдержалась, дабы не фыркнуть.

Джоан решила почитать мне нотации? Что-то последние четыре года её совершенно не волновало моё воспитание и изъяны в поведении. Да и, чего греха таить, предполагаю, что не тревожило вовсе.

Прекрасно. Раз она хочет, так уж и быть, потешу самолюбие Рид-старшей. Сделаю вид, что мне необычайно интересно её слушать.

Мать сделала паузу, отвела взгляд и задумчиво уставилась в окно. Словно она хотела мне что-то сказать, но сомневалась. Или же страшилась реакции? Что-то новенькое, чтобы мать боялась разговора со мной. Я сложила руки на груди, точь-в-точь как она, и склонила голову набок, всем своим

видом демонстрируя: «продолжай». Женщина вновь перевела на меня взгляд и сдержанно произнесла:

– Я должна рассказать кое-что важное. Не знаю, как ты к этому отнесёшься, но попробуй меня понять. И да, присядь будь добра, Лекси.

Мать грациозно указала рукой на стул. Мне не нравился её тон, и не было совершенно никакой разницы, что именно она собиралась сказать. Уверена, это не принесёт ничего хорошего для меня. И всё же я решила дать старшей ей шанс. Ведь нам придётся жить вместе какое-то время. Учитывая, что она назвала меня привычным «Лекси», а не дурацким-полным-именем, как обычно, наверняка собиралась сообщить нечто важное.

– Ты уже взрослая девушка. В декабре тебе исполнится девятнадцать. Думаю, уже что-то смыслишь в этой жизни. Твой отец погиб.

Джоан упорно избегала слова «убили». А ведь гибель отца не являлась несчастным случаем или смертью от болезни. Его убили жестоко, цинично, безжалостно. Лишь гнусного убийцу пока не нашли из-за чего я никак не могла спокойно отпустить главного мужчину своей жизни. Подарить покой его душе, если, конечно, таковая вообще существовала.

Тем временем мать продолжила распинаться медоточивым тоном:

– Понимаю. Потерять его необычайно тяжело для тебя. Мне очень жаль.

Как же, жаль ей. Врала и не краснела. До чего лицемерная женщина! Ведь я прекрасно была осведомлена, что Джоан терпеть не могла папу.

– Ты боготворила своего отца, считала идеалом. Но поверь, Артур таковым не являлся.

– Серьёзно? Как у тебя язык поворачивается говорить подобное? Тем более, сейчас, когда прошла всего неделя с его похорон? – мой голос дрожал, впрочем, как и я сама.

Я со всего маху хлопнула ладонью по столу, не обратив внимания на то, что пальцы онемели от удара. На полном серьёзе захотелось встать и хорошенько встряхнуть свою мать. Она настоящее чудовище. Бездушное, неблагодарное, бессердечное чудовище.

– Выслушай меня, пожалуйста.

Джоан была сама не своя. До сегодняшнего дня мать никогда не просила меня, лишь отдавала приказы. Эмоции рвались наружу, но я сдержала свой порыв, кивнув и продолжив её выслушивать.

– Мы с твоим отцом разошлись четыре года назад, но стали чужими друг для друга задолго до развода. Работа для Артура была всегда важнее семьи, важнее тебя и меня. Уверена, ты помнишь, что произошло, когда тебе было три года. Я устала жить в страхе. Утомилась бояться за себя, тебя, за него. Артуру же было глубоко наплевать, – мать горестно вздохнула и потупила взгляд.

Сейчас она наверняка придавалась воспоминаниям, су-

етливо тормошила льняную салфетку, что лежала на столе. Превосходная игра, ничего не скажешь. Быть может, кто-то счёл меня умалишённой, но я не верила ей ни на йоту. Отцу отродясь не было свойственно равнодушие по отношению к нашей семье. Он делал абсолютно всё возможное для нашего с Джоан благополучия. Возможно, обо мне пап беспокоился чуточку больше, особенно, когда я решила, что буду жить с ним. И если мать хотела настроить меня против отца сейчас, когда тот мёртв и никак не мог опровергнуть её слова, то ни черта у неё не выйдет.

– Прости, отвлеклась.

Рид-старшая продолжила играть роль «милрой мамочки». Задумчиво улыбнулась и дотронулась до прядки рыжих волос, которая выбилась из её причёски. Деловито заправила эту самую прядку за ухо и проговорила:

– Перейдём к сути. Александрина, я взрослая женщина, у которой есть свои определённые потребности и желания. Некоторое время назад я встретила мужчину...

– Эй, полегче. Ты моя вроде как мать, а не подруга. Меня стошнит, если ты начнёшь делиться своими похождениями, – перебила я Джоан, скривившись и изобразив рвотный рефлекс. – Мне совершенно неинтересна твоя личная жизнь. Если у тебя всё, то я пошла в свою комнату.

– Нет, я ещё не закончила.

Чёрт, этой женщине пятый десяток, а она смущалась, как школьница. Если быть точнее, то всего сорок один. И недав-

но у Джоан был день рождения, с которым я поздравила её сухим сообщением, равно как и она меня в прошлом году.

– Он не просто мужчина. Его зовут Дейв Блэк. И мы любим друг друга. Мы совершенно не ожидали, что дочь вернётся ко мне. Но раз уж теперь ты под моей ответственностью, то обязана сообщить: через неделю мы переезжаем в новый дом и будем жить все вместе.

– Надеюсь, ты неудачно пошутила, *мама*, – снова показательно брезгливо выделив последнее слово, как любила делать в детстве, парировала я. – Можешь переезжать без меня, а я, пожалуй, прекрасно обоснуюсь в этом доме сама. Для нас двоих так было бы лучше, не думаешь? Уверена, и ты не горишь желанием жить со мной.

– Ты переедешь со мной и это не обсуждается!

– Неужто приспичило на старости лет обзавестись новой семейкой и рассказать мне об этом, когда я ношу траур по отцу? Не собираюсь жить с незнакомым мужиком. Вдруг он извращенец? И что за идиотская фамилия – Блэк? Как в каком-то тупом вестерне.

– Я ожидала подобной реакции и могу понять тебя, Александрина. Но молчать не было смысла. Я обязана поставить тебя в известность. Дейв – прекрасный мужчина, думаю, вы с ним поладите. Тебе придётся с этим смириться, дочь, – в тон мне ответила Джоан. – Хоть ты и совершеннолетняя, я осведомлена, что ты обязана жить со мной до вступления в наследство. Потому будешь делать так, как я скажу.

– Вау! Узнаю настоящую Джоан. Браво, мамочка! Согласилась ради денег отца или крёстный заплатил тебе? – с ядовитой усмешкой вырвалось у меня.

Недолго она была мила и добродушна, явив свой истинный лик спустя всего лишь пятнадцать минут нашего совместного сосуществования.

– Также помимо отчима, у тебя появится брат, – спокойно сообщила старшая Рид, игнорируя мой вопрос.

– Издеваешься? Только не говори, что вы женитесь!

– Отнюдь. Пока не женимся. Но, надеюсь, всё впереди. У Дейва есть сын. Очаровательный и очень хороший мальчик. Умный, воспитанный. Словом, мечта каждого родителя, – мать мечтательно улыбнулась и прикрыла глаза, пока я вглядывалась в её лицо с полнейшим недоумением. – Поэтому, когда познакомишься с ними, сделай одолжение, води себя прилично и воспитанно. Не смей язвить и огрызаться, поняла? Иначе будем разговаривать по-другому.

– А знаешь что? – разъярённо выпалила я, резко оттолкнувшись от поверхности стола, вскочив со стула, и подхватив со спинки свою сумку. – Сделай одолжение и отвали от меня!

С этими словами я выбежала из кухни.

Сука. Более приличных слов не находилось. Меня переполняла дикая злость.

Я буквально влетела в свою комнату и заперлась на за-

мок. Несколько секунд бездумно сверлила взглядом закрытую дверь, а после без сил опустилась на кровать, закрыв лицо руками.

«Сделай одолжение, веди себя прилично и воспитанно. Не смей язвить и огрызаться, поняла? Иначе будем разговаривать по-другому», – вспомнила слова Джоан, и меня передёрнуло. Чёрт, это ведь была чистейшей воды угроза. Ещё бы приказала быть милой и улыбаться. Хотя ещё не вечер, и меня ничего не удивило бы.

Глубоко вздохнула, стараясь успокоиться, встала и прошла по спальне. Остановилась возле открытого окна и выглянула на улицу. Почему я? Чем заслужила всё это дерьмо? Говорят, людям посылалось ровно столько, сколько они могли пережить и преодолеть. Однако не стоило забывать, что любой из нас мог стать жертвой обстоятельств. Я до сих пор не могла поверить в реальность происходящего. Мать меня не слышала, не захотела понять. Эта женщина судила лишь поверхностно, ставила свои эгоистичные желания выше всего.

Вернувшись к кровати, я тихо опустилась на мягкий матрас. Свет включать не хотелось, пускай и начало вечереть.

Окинула взглядом комнату. Собственная спальня мне всегда нравилась. Оформленная в любимых нежных голубых тонах, маленькая, впрочем, несмотря на это, комнатка была светлой и уютной. Здесь совершенно ничего не изменилось. Всё лежало на тех же местах, что и четыре года назад. Как

будто никуда не уезжала. Огромный заяц, которого подарил мне отец, так и сидел в углу возле окна. А ведь когда-то он был с меня ростом. На стене фотографии в рамках: вот мы с отцом и крёстным на пляже Санта-Моники, загорелые и счастливые, махали со снимка руками, а мне всего десять лет. Вот с Тессой и её старшим братом Нейтом на крыльце дома Абрамсонов в смешных Хэллоуинских костюмах. А вот и вовсе только мы с лучшей подругой в саду матери в окружении цветущих пионов над чем-то до слёз хохочем, тут мне шесть. Несколько школьных фотографий с близкими друзьями. И ни одной с матерью. Совсем. На последнем снимке мы с отцом в Нью-Йорке.

Мне тогда только исполнилось четырнадцать, и всей семьёй мы отправились туда на Рождество. Я так мечтала попасть на каток Уоллмен-Ринк в Центральном парке, но Джоан была нацелена на каток в Рокфеллер центре. Мы долго спорили, и папа предложил мне сделку: если он проснётся первым, то отправимся туда, куда хочет мать. Если же первой встану я, то в Центральный парк. Тогда я не спала всю ночь, вглядывалась в окно на светящийся город и ждала утра. Отец проиграл, и нам удалось попасть на каток к шести утра. И для меня до сих пор оставалось загадкой, как именно, ведь он работал только с десяти. Я была в неопишемом восторге. Кроме нас с папой никого, лишь тишина и падающий хлопьями снег. На память о том чудесном дне остался лишь снимок, с которого радостно улыбался главный мужчина моей

жизни.

При взгляде на отца сердце болезненно сжалось. На фотографии он такой беззаботный. Ещё не знал, что чуть меньше чем через год разведётся и переедет в другой штат. А после жестокий рок унесёт его жизнь, а вместе с ней частичку каждого, кто когда-то был знаком с этим прекрасным человеком. Я невольно улыбнулась: как же хорошо быть маленькой! Ни проблем, ни забот. И отец был жив.

– Папа, почему ты меня оставил? Кто посмел забрать тебя у меня? С какой целью обрёк меня на жизнь с этой сукой? – в пустоту прокричала я.

Я ожидала злости. Ярости на отца, который придумал это глупое, несуразное условие, даже несмотря на их ужасные отношения с бывшей женой. Но сердиться на него почему-то не могла. Слёзы снова потекли из глаз. Не хотела рыдать, но совершенно не могла это контролировать. Я обычно не плакала, старалась держать эмоции в себе. А за эту неделю слёз вылила больше, чем за всю жизнь. Будто какая-то истеричка. Тряхнула головой, постаравшись отогнать от себя тревожные мысли, из-за которых всё ещё ревела ночами в подушку. Кинув оценивающий взгляд на чемоданы, которые заранее принесла в спальню, я пришла к выводу, что не готова к таким решительным действиям. Тем более, через неделю я перееду, так зачем напрягаться? Знала, что Джоан ненавидела беспорядок, потому решила мстить ей и новому «папочке» как только переедем. Он ещё пожалеет, что с ней связался,

и сам сбежит со своим сыном. Я начала глупо смеяться.

Ох, Лекси, это уже истерика. Так можно и в психушку попасть.

Этот кошмарный день всё никак не хотел заканчиваться.

Я вышла из своей комнаты, как только поняла, что Джозан покинула дом, щёлкнув ключами в замке входной двери. Остался лишь шлейф её любимых духов: нотки мандарина и бергамота, немного розы и жасмина и чуть заметные ваниль и сандал. Запах, знакомый мне с детства. Раз уж так надушилась, то, бесспорно, отправилась на встречу со своим мужем.

Желудок издал протяжный стон. И я вспомнила, что абсолютно ничего не ела с самого утра. В самолёте предоставляли только напитки. Впрочем, я и так проспала весь полёт.

– Здравствуй, дорогой холодильничек! Только по тебе я и скучала, – ласково обратилась я к предмету кухонной техники, открыв вышеупомянутый холодильник и рассмотрев необычайно привлекательный киш с томатами и мягким сыром.

Достаточно предсказуемо. Рид-старшая обожала всевозможную выпечку. В этом мы также были похожи. Спасибо генам, что я не толстела, иначе с моей любовью к еде уже в шесть лет бы весила целую тонну.

Разогрев кусочек в микроволновке и насладившись приёмом пищи, я внутренне согласилась с фразой, что на сытый

желудок думалось лучше. Нежелательные и мрачные мысли вновь пробрались в мою голову, заставив негодовать. Злость на мать накатывала с каждым вздохом, и я осознала, что если останусь сейчас дома в одиночестве, то либо сойду с ума, либо снова проплачу всю ночь в подушку.

У меня появилась, несомненно, идиотская идея. И я точно знала, кто поможет мне её осуществить.

Глава 4. Лекси Рид.

Когда-то, будучи ещё четырнадцатилетним подростком, я стремилась попасть сюда. Меня завораживало и привлекало это изысканное заведение. Ещё бы, один из лучших танцевальных клубов в Монтане, прославленный даже в более крупном городе штата – Биллингсе. С клубами в Сиэтле, конечно, не сравнится, но вся верхушка общества Миссулы собиралась здесь по ночам. Однако в тот миг мне было абсолютно плевать, где я находилась и насколько красиво заведение. Главное – отвлечься. Конечно, я не отказалась бы от выпивки, хоть и не имела привычки просаживать каждый день состояние своих родителей на коктейли. В принципе редко употребляла спиртное. Тем не менее я была убеждена: когда тебе настолько плохо, насколько мне было сейчас, то ничего не оставалось, кроме того, чтобы элементарно и посредственно напиться. И всё же я никак не могла осуществить это желание. Пускай мне и было восемнадцать, алкоголь в барах и клубах продавали только с двадцати одного. В маленькой Миссуле, где многие друг друга знали, с этим гораздо сложнее, чем в том же Сиэтле. Посему оставалось одно – танцевать и пытаться забыться.

Бесконечно доброе сердце Тессы и моя невозможно привлекательная для всяческих неприятностей задница не смогли устоять в борьбе с доводами разума. Абрамсон имела

природное обаяние, мне же достались хитроумие и крупица врождённой сексуальности. Сочетание этих качеств, присущих нашему с ней дружескому тандему, в совокупности, не оставляли ни одного мужчину равнодушным. Потому, мило, по-светски улыбнувшись вышибалам на входе, мы избежали проверки документов, чему я была несказанно рада. Всё же Тессе пока ещё семнадцать, а проблемы нам сейчас ни к чему. На блондинке был надет лёгкий белый сарафан длиной до колена, волосы подруги распущены и аккуратно уложены волнами. На мне – облегающие брюки и кроп-топ – то, что первым попало под руку в одном из чемоданов. С причёской я даже не стала возиться, ведь чтобы уложить мои непослушные кудри, требовалось немалое количество времени. Посему просто забрала волосы в конский хвост.

– Как тебе удалось сбежать из дома? – любопытствовала у подруги.

Наверняка Джоан глубоко наплевать, где и с кем проводила время её дочь. У Тессы же совершенно противоположная ситуация. Её отец Эдуард Абрамсон – крупный банкир, а мать – завсегдатая посетительница загородных клубов и салонов. В особняке Абрамсонов полным-полно всевозможной прислуги, и долг каждого следить, чтобы самая младшая вела правильный образ жизни.

– Знаешь, всегда удивлялась, как твои родители не запретили своей «маленькой принцессе» со мной общаться, – с усмешкой добавила я.

– Немного добрых слов плюс пару зелёных купюр, и горничная меня не видела, – Тесса поймала мой многозначительный взгляд и невольно засмеялась. – Тем более, мой папа тебя всегда очень любил. Он говорит, что уважает твой стойкий характер и пробивной нрав. А мне советует у тебя поучиться, – подруга шутливо закатила глаза.

– Узнаю о тебе много нового, – я схватила девушку за руку и повела напрямик к барной стойке. – А Джоан всегда восхищалась тобой. «Посмотри какое у Тессы розовое платёжишко!» «Ах какой бантик чудесный в волосах!» – передразнила я мать, и мы обе заливисто рассмеялись, вспомнив наряд Абрамсон на выпускном в первом классе начальной школы.

– Мама обожала меня наряжать, да и я была не против. А ты бунтовала. И только когда миссис Рид оставила тебя в покое, полюбила платья и каблуки, – блондинка одарила меня своей самой озорной улыбкой и оценивающе обвела взглядом мой наряд.

– Эй! Мой спортивный костюм тоже был ничего, а главное, жутко бесил Джоан, – я раздражённо фыркнула, сложив руки на груди. – Закажу на свой вкус? – спросила лучшую подругу, та лишь кивнула.

Я заметила в её бледно-нефритовых глазах какую-то гнетущую печаль. Никогда не любила лезть в душу и выпрашивать о проблемах. Ведь, быть может, человек просто не хотел делиться сокровенным. Либо просто не готов был раскрывать тайну своих терзаний. Хоть мы и были лучшими подру-

гами почти всю нашу сознательную жизнь, я предпочитала не наседать, если она молчала и ничегошеньки не рассказывала. Поделится тогда, когда сочтёт нужным.

– Два дынных, пожалуйста, – ослепительно, как мне показалось, улыбнувшись бармену, произнесла я.

Помнила, как кто-то из знакомых нахваливал этот коктейль, состоящий из ананасового, лимонного и апельсинового фреша, дынного сиропа и содовой.

Некоторое время мы сидели молча за барной стойкой и потягивали из трубочки коктейли. Ещё один пункт, за который я ценила Тессу: с ней можно было без умолку трещать целый день, когда тебе весело. С ней же можно молчать, когда тебе действительно плохо. Других, подобных ей, я пока не встречала. Мне, в принципе, тяжело было сдружиться с ровесницами. Казалось, что с парнями общаться было как-то проще. После того, как бокалы опустели, молчать дальше не было смысла. Потому, наклонившись к уху подруги, я начала свой рассказ:

– Знаешь... Она нашла мужика, и я должна с ним жить, – на одном дыхании выдала я и только через секунду поняла смысл сказанного.

Было очень забавно наблюдать, как в глазах подруги за несколько секунд расцвела целая гамма чувств: изумление, сменившееся негодованием, затем прозрение с осознанием услышанного и, в конце концов, небывалая ярость.

– Твою мать, я не это имела в виду, – успокоила я потря-

сённую до глубины души Тессу. – Она нашла *себе* мужика, и я вынуждена буду с ними жить. Что мне делать?

– И она сказала тебе это сейчас? Сразу после того, как ты потеряла отца? – я поспешно кивнула. – Я, конечно, никогда не понимала ваши странные отношения с матерью, но это переходит все границы.

Абрамсон выглядела взвинченной и разозлённой, а подобные эмоции подруга проявляла весьма редко. И если даже она реагировала так, а не наставляла меня в манере: «Лекси, это нормально, у всех должна быть личная жизнь» или «Лекси, не будь такой эгоисткой», то я действительно в полном дерьме.

– Это ещё не всё, – я запнулась. Не думала, что так тяжело будет об этом сказать. – Через неделю мы переезжаем в новый дом, и Джоан хочет, чтобы мы жили там как грёбаная счастливая семья, – мы одновременно осушили по второму стакану, и подруга заказала чай со льдом. – Его зовут Дейв Блэк, а также у этого мужчины есть сын, которого я, по всей видимости, должна называть «любимый братик» и нянчиться с этим сосунком. Ведь он «такой очаровательный хороший мальчик», – я попыталась передразнить старшую Рид.

– Звучит довольно скверно, Лекси, – изрекла свой вердикт Тесса. – Ума не приложу, чем тебе сейчас помочь. Скоро мы уедем отсюда, поступим в университет где-нибудь в Северной Каролине, и ты сможешь забыть всё это, как страшный сон. Понимаю, ты не была готова к такому развитию собы-

тий и не рассчитывала на отчима и сводного брата. Но пока не получишь наследство, сделать мы ничего не можем, — девушка вздохнула столь тяжело, что мне тотчас захотелось сделать также. — В крайнем случае переедешь ко мне. Родители не будут против.

— Знаю, но не хочу быть обузой. Да и в твой обожаемый Дьюк поступать у меня нет никакого желания, — обречённо простонала я, оправдываясь то ли перед лучшей подругой, то ли перед самой собой. — Буду улыбаться, как Чеширский кот, делая вид, что меня всё устраивает. А когда мать прекратит меня доставать, начну потихоньку пакостить.

— Мальчик ни в чём не виноват. Сомневаюсь, что этот ребёнок мечтал о переезде и новоявленной мачехе. Так что постарайся быть к нему добрее, ладно?

— Если он будет приносить мне завтрак по утрам и не слушаться Джоан, то я подумаю.

Невинно пожала плечами, подмигнув Тессе. Мы переглянулись и рассмеялись. Я понимала, что мальчишка и его отец не виноваты, оказавшись в такой ситуации. Увы, никто из нас не ожидал, что мне придётся переехать к матери. Но и я неповинна в этих событиях. Я не просила себе новых родственников сразу же после того, как из жизни ушёл отец, который хоть и один, но был для меня той самой любящей и заботливой семьёй. Вся вина лежала на Джоан, ей и расплачиваться. Но ведь я уже говорила, что себя не контролирую?

После ещё пары бокалов холодный чай уже казался не

освежающим, а приторно-сладким и противным настолько, что сводило зубы. Поэтому мы приняли решение отбросить все унылые мысли и просто повеселиться, как в былые времена на каникулах.

На танцполе было многолюдно и немного душно. Как только заиграла та самая мелодия, которая разожгла пламя в душе, подарив ощущение лёгкой эйфории, тело начало жить собственной жизнью, а я немного потеряла голову, полностью отдавшись во власть ритмичной музыке. Двигая в такт мелодии бёдрами, мы расслаблялись, отогнав прочь всю грусть и печаль. Отрадно привлекать внимание мужского пола, завораживать, интриговать, а мы его привлекали, что, конечно же, обольщало. Вот и сейчас все расступились, образовав круг, в котором остались лишь мы с Тессой. Но нам было плевать. Воодушевление быстро разливалось по телу, окутав организм приятным теплом, заставив двигаться всё более откровенно. Гроыхающая музыка и громкие крики только забавляли.

Лёгкий и одновременно приятный электрический разряд прошёлся вдоль позвоночника, заставив меня обернуться. Весь азарт от стремительной мелодии улетучился, остался лишь трепет, осевший на сердце инеем, а в груди волнами разлилось будоражащее чувство, которое сносило остатки здравомыслия. Я различила только внимательный взгляд серых глаз, но через секунду они исчезли. Я всегда чувствовала, если за мной кто-то наблюдал, но подобных эмоций не

испытывала ни разу. Кем же был обладатель столь завораживающего взгляда? Увидимся ли мы вновь?

Танцы и приятная музыка отвлекли, заставляли забытья.

Через некоторое время, устав от плясок, я решила выйти на улицу остыть, предупредив подругу. Тесса же предпочла выпить минералки у бара, дожидаясь меня.

Мне всегда доставляло особое удовольствие, прикурив на полную, затянуться в первый раз и выпустить дым. Он был густым и душистым. Мне нравилось смотреть на него, успокаивало. Хоть и курила я достаточно редко, но наутро наверняка вся пропахну табаком. Джоан будет в бешенстве.

Прислонившись к холодной стене, принялась наблюдать за окружающими. Черты похоти и распутства виднелись со всех сторон. Девушки в коротких облегающих платьях на высоченных шпильках жались к парням, игриво глядели на них из-под опущенных ресниц. В мыслях у подобного сорта публички исключительно секс. Юноши из состоятельных семей постоянно собирались здесь с одной лишь целью – напиться и познакомиться очередной шлюхой на ночь. Благо меня отродясь не воспринимали как таковую, да и поводов я не давала. Но всё равно стоять рядом с ними было дискомфортно.

В воздухе витал приятный вишнёвый аромат. Я снова невольно улыбнулась. Он мне нравился. Оглянулась, дабы найти источник этого запаха и увидела парня, который пристроился недалеко от меня. Высокий, с красивыми чертами лица и смуглой кожей. Голова с чуть разбросанными в бес-

порядке волосами цвета горького шоколада была откинута немного назад. Лишь зелёные глаза наблюдали за мной. Он улыбнулся. Видимо, искал жертву на эту ночь. Он, конечно, симпатичный, но не по адресу. Я подошла к нему вплотную, но мулат не сдвинулся с места, лишь глаза выдавали его удивление. Я поманила парня рукой. Он наклонился.

– И не мечтай, – прошептала ему на ухо весело рассмеявшись, развернулась и зашагала в внутрь клуба.

Да, Лекси. Это явно твой день.

Вернувшись внутрь, я судорожно искала взглядом Тессу, но подруга словно сквозь землю провалилась. Чувство паники сковало тело. Как я могла вот так оставить её одну в таком состоянии? А вдруг с ней что-то случилось? Какая же я безответственная дура!

Плохое предчувствие росло, словно снежный ком. Она ведь не могла уехать, моя Абрамсон умная девочка. А если её заставили или увели насильно? Я протискивалась через весь зал, распахивая недовольных и порядком пьяных посетителей этого заведения. И наконец-то увидела свою подругу в лапах какого-то придурка. Стиснула зубы, попытавшись пересилить мечущуюся в груди злость. Не обращая ни на кого внимания, подлетела к ним и оттолкнула незнакомца со всей силой, на которую была способна. А силы у меня было предостаточно, учитывая тренировки с крёстным.

– Лекси-и-и, – подруга расцвела в довольной улыбке. – А это Макс. Мы просто болтали.

Видела я, как вы «просто болтали». Юноша хоть и выглядел прилично, но был выпившим, напоил мою непьющую подругу и, по всей видимости, желал воспользоваться ситуацией. Беззащитная, хрупкая, слишком доверчивая и наивная девушка, одна и не в силах за себя постоять. Это, чёрт возьми, моя вина. Но Тессе я, конечно, свои домыслы не озвучила.

Я не была сумасшедшей мужененавистницей и отнюдь не страдала от мизандрии. Но вся ситуация казалась довольно рискованной для моей подруги. А я всегда чувствовала некую ответственность за неё.

– Мы идём домой, Тесса. И это не обсуждается, – чётко, властно, прямо как отец.

– Ну, Лекси, мне так здесь нравится. Ну, пожалуйста, ещё чуть-чуть, – лучшая подруга состроила взгляд а-ля «я белая и пушистая», но со мной такие фокусы не пройдут.

– Давай. Завтра ты скажешь мне спасибо, – я взяла Абрамсон за руку, собираясь вывести её из клуба, клятвенно пообещав себе больше не оставлять эту девушку в одиночестве. Но меня остановили, резко схватив за запястье.

– Эй, оставь её в покое! Она не хочет с тобой идти, – тот пьяный придурок.

Я резко затормозила и левой рукой осторожно задвинула Тессу себе за спину. Собиралась высказать все непечатные ругательства, которые только знала, но отвлеклась. Снова почувствовала это: лёгкое покалывание по всему телу. Я

на долю секунды забыла о том, почему я здесь, что хотела сделать только что. Важен был только взгляд серых ледяных глаз и его обладатель, что с лёгкой усмешкой на уголках губ смотрел на меня.

Он был невероятно красив. В какой-то момент я даже подумала, что это видение. Не бывает таких идеальных людей. Обладать такой внешностью незаконно. Юноша был высок и прекрасно сложен. Чёрная футболка выгодно подчёркивала накачанный торс. Чёрно-коричневые волосы стильно уложены. Я наслаждалась его взглядом, а в его глазах горел интерес. Оторваться от него я не могла, как и сказать что-либо.

И тут произошли две вещи. Во-первых, я услышала прекрасный бархатистый голос, исходящий от него, когда сероглазый положил руку на плечо своему другу. Во-вторых, его другом оказался пьяный придурок Макс. *Я влипла.* Всегда ненавидела незнакомцев. И вновь притянула к себе неприятности.

– Что здесь происходит? – поинтересовался он своим прекрасным голосом, отчего мурашки снова побежали по коже.

«Дыши, Лекси, дыши. Не нужно на него наезжать», – подумала про себя три раза и тотчас выпалила:

– Отвали, придурок! И дружка своего заberi! Пусть не смеет приближаться к моей подруге!

В этом вся я. Совершенно не логична. Я уже говорила про отсутствие связи между моим телом и мозгом? Когда сердце делало кульбит, а руки начинали дрожать, мой извращённый

разум делал совершенно наоборот.

Глубокий вдох и последующий выдох помогли. Стало дышаться легче.

Он тихо рассмеялся. *Красивый. Сильный. Злой.*

– Закрой рот, или пожалеешь, – прошипел брюнет, обжигая взглядом.

– И не подумаю! Убирайтесь с моего пути, иначе пожалеете вы.

– Какого хера? – рявкнул он, сделав шаг мне навстречу.

Сердце пропустило ещё два удара. Я осталась стоять на месте. Дыши, Лекси, это просто.

– Чёртов ублюдок, – процедила сквозь зубы, окинув серо-глазого взглядом. – Не смей приближаться.

Резко развернулась и, взяв Тессу за руку, повела её к выходу. На сегодня хватит приключений.

Глава 5. Лекси Рид.

Я ненавидела рано вставать. Я – голубь. Да-да, именно так характеризовал всезнающий «Гугл» мой хронотип. Что-то среднее между жаворонком и совой. Мне тяжело просыпаться на рассвете, но и до полудня я никогда не валялась в постели. Точно так же, как никогда не могу заснуть до одиннадцати-двенадцати вечера. Но не спать всю ночь напролёт для меня будет крайне тяжело. Если только я не веселюсь на вечеринке до утра.

После вчерашнего, как и следовало ожидать, я еле разлепила глаза и с трудом заставила себя подняться с тёплой постельки. Как же хотелось лениво понежиться подольше. Однако моя обожаемая мамочка придумала мне задание, мотивируя это тем, что мне, по её мнению, совершенно нечем заняться. Я чувствовала себя варёной курицей, и голова раскалывалась.

Благо Джоан не узнала про мою вчерашнюю вылазку. Наверняка обхаживала своего мужика, хотя это даже играло мне на руку.

Лениво прошествовав на кухню, я решила сварить себе кофе. Хотелось уюта и покоя, особенно потому, что за окном бушевала яростная гроза. Я обожала такую погоду. В детстве часто пряталась на мансарде, наблюдала, как молнии рассекали вдоль и поперёк тёмное небо. Это всегда приво-

дило меня в неописуемый восторг. Иногда и отец «прятался» там со мной. Шутил, что скрывается от матери. Тогда мы воображали волшебные миры, придумывали сверхъестественных существ, общались на только нам понятном, выдуманном языке и много смеялись. Эти дни навсегда останутся счастливым отпечатком в моих воспоминаниях.

Пока мать ходила по магазинам и выбирала мебель для нового жилища, можно было расслабиться и насладиться долгожданным одиночеством. Стоило ценить эти моменты, пока в доме не появился чужой мужчина и его малолетний сын.

Обычно кофе варил папа. Выходило у него, к слову, отменно. Ни один «Старбакс» не мог сравниться с моим отцом. Но я не отец. Я совершенно ничего не умела. Разводить беспорядок по всему дому – это да. В этом я настоящий профессионал. Наедаться на ночь, оставив после себя хаос на кухне, тоже могла. Но проводить половину дня за готовкой, как Джоан, точно не для меня. Всегда раздражала эта наигранность.

Семья? Полнейший бред. С какой целью её создавать, если в ней не было абсолютно никакого смысла? У меня когда-то была семья, оба родителя. И что теперь? Кому я сейчас нужна? Ответ прост – никому. Даже собственная мать наверняка считала часы, чтобы избавиться от меня и жить в своё удовольствие.

Хвалёная любовь, которой так усердно распевали диффи-

рамбы в книгах и фильмах? Для меня это всего лишь слово, один ничёмный пустой звук. Боль – вот кто мой вечный спутник. Другие люди имели полный спектр чувств. Я не была лишена эмоций, но злость, одиночество и обида вытеснили все остальные. Тесса была словно моей полной противоположностью. Как инь и ян. Она любила и искренне отдавала всю себя, не просила ничего взамен. Она была счастливой, доброй и всепрощающей. Почти никогда не злилась. Скорее всего, подруга просто подавляла в себе подобные эмоции. И я была уверена, ничем хорошим для девушки такая самоотдача не закончится.

Я же не могла позволить себе потерять голову и влюбиться или беззаботно радоваться всяким мелочам, как большинство сверстников. Отец всегда говорил, что такие люди не выживали в обществе. Они слабаки. Ещё в раннем детстве поняла принцип: выживает сильнейший, и для достижения цели нужно идти по головам. Образ «стервы» привлекал парней, и я нагло этим пользовалась. Эгоистично? Да, отрицать не стану. Вот только о моих мыслях не суждено было узнать никому.

Мать застала меня лежащей на диване. Нагло закинув ноги на спинку, я с наслаждением поглощала последний кусочек пиццы с пеперони. К сожалению, замороженной, а не свежеиспечённой из пиццерии. Разогреть полуфабрикаты я умела. Плюс один навык в копилку талантов. Не совсем

руки из одного места росли. Джоан недовольно вздохнула, осуждающе закатив глаза и цокнув языком. Как же мне нравилось злить мамочку.

– Помочь не хочешь? – в голосе матери звучало едва скрываемое раздражение.

Она с глухим стуком опустила огромные пакеты на пол и упёрла руки в бока, сверля меня взглядом.

– Я не просила этот переезд. Сама, всё сама, – с сарказмом провозгласила я, хмыкнув.

– Снова хамишь? Быстро в свою комнату! И чтобы упаковала сегодня все свои вещи! – Рид-старшая злобно сощурила глаза. Ох, не к добру это.

– С чего ты взяла, что имеешь право вот так подходить и указывать мне, что делать?

– Я твоя мать! И ты в моём доме.

– Что-то последние восемнадцать лет ты об этом не думала.

Я неспешно поднялась с дивана и поплелась в свою комнату под гневным взглядом Джоан. Предстояло разобраться с ещё одной проблемой по имени бардак.

Делать совершенно ничего не хотелось. Апатия сменялась агрессией. А ведь это был только первый день с психованной мамашей. Что будет дальше?

Тише, Лекси. Вдох-выдох.

Захотелось позвонить Тессе, услышать успокаивающий голос подруги. Да и не помешало бы узнать, как блондин-

ка чувствовала себя после вчерашнего. Я вспомнила печальный взгляд Абрамсон. Неужели у неё что-то случилось, а я не смогла понять это? Набрав номер, выученный наизусть, я долго слушала протяжные гудки в трубке, ожидая в итоге услышать автоответчик, но подруга всё же соизволила ответить.

– Как ты? У тебя всё хорошо? Как себя чувствуешь? – на одном дыхании выпалила я.

– Ммм... – Тесса проямлила нечто невнятное. – Лекси, зачем так рано звонишь? – сонно прохрипела в трубку подруга.

Чёрт, всего лишь одиннадцать часов утра! Тем более, ка-никулы. Конечно, она спала. Мне стало неловко перед Абрамсон.

– Прости, не хотела тебя будить. Забыла посмотреть на часы, – виновато ответила я.

– Ладно, не страшно. Как настроение? – я слышала, как Тесса сонно потянулась и позавидовала подруге. Её родители явно не пытались эксплуатировать свою дочь ранним утром. – Чего молчишь? Снова плохой день?

– Джоан заставляет складывать вещи в коробки. Разбудила в восемь утра, – пожаловалась я.

– Ох, не завидую тебе, – подруга сделала паузу. Голос стал серьёзным. – Лекси, что на тебя вчера нашло?

– Не понимаю, о чём ты, – не моргнув глазом, соврала я. Терпеть не могла лгать Тессе, но обсуждать ситуацию не

хотелось. Пока я сама не понимала, что всё это значило и почему я среагировала так, как среагировала.

– Напомню: вчера, клуб. Очень милый парень по имени Макс. Его друг и ты, которая вышла из себя.

– Я всё ещё не понимаю, о чём ты говоришь.

– Хорошо, не хочешь рассказывать сейчас, обсудим при встрече.

Я знала подругу, как свои пять пальцев. Она не отстанет и обязательно устроит мне допрос. Придётся всё же как-то объяснять своё поведение. До сих пор не могла понять, что произошло вчерашней ночью. При одном воспоминании о невозможно красивом обладателе серых глаз бросало в жар, а сердце начинало биться сильнее. Никогда не испытывала такого. В то же время я чувствовала жуткую злость от его наглости. И, возможно, неосознанный страх.

Назойливый стук в дверь прервал наш разговор, и я не успела ничего ответить.

– Мне пора. Созвонимся позже, – быстро сбросила вызов и взглянула на мать, ворвавшуюся в спальню.

– Александрина, я вроде бы ясно дала понять, что ты должна готовиться к переезду, а не болтать по телефону. Больше никаких разговоров на этой неделе, пока не закончишь все дела! Ты наказана.

Моя мать вообще в курсе, что такое личные границы? Как же это раздражало.

– Тебе больше нечем заняться, кроме как подслушивать

мои разговоры? Отстань от меня, изверг! – и в женщину полетела увесистого размера подушка.

Но то ли природная ловкость, то ли знание моих «оборонительных» тактик из детства спасло её. Я расстроено вздохнула.

Мой личный ад продолжался. Пока не мою пользу. Джоан-Лекси: два-ноль.

Обычно в хорошие периоды время бежало быстрее, чем нам хотелось бы. Но не сейчас.

Пять скучнейших дней моей «новой жизни» тянулись, словно караван в пустыне. Бытие будто замерло, потеряло смысл. Вместо того, чтобы веселиться с друзьями, ходить по магазинам или загорать у бассейна в доме Тессы, потягивая кофе со льдом, мне приходилось заниматься домашними делами. Джоан появлялась только вечерами и лишь тогда отдавала мне телефон, который забирала с утра, дабы он не отвлекал меня от её заданий.

Моя мать, чёрт возьми, настоящий домашний узурпатор. Видимо, идеальная в её понимании дочь и должна проживать дни своей юности по чёткому списку: поела, убралась, прочитала заданную на лето литературу, легла спать. Прямо как Золушка. Спасибо на том, что она не заставляла меня чистить камин и дымоход. Благо погода была дождливой и пасмурной, будто даже природа сочувствовала мне.

Сразу после ссоры с Джоан я решила притвориться «хо-

рошей девочкой» на время, конечно же, и начала разбирать шкаф. Множество вещей я не взяла с собой при переезде в Сиэтл. И всё же, кроме кучи хлама, старых школьных тетрадей, детских вещей и пыли там не нашлось ничего интересного. Зато комод приятно удивил меня находкой. Мой старый личный дневник, в который я любовно записывала яркие моменты из жизни, бережно хранила и прятала его от зорких глаз матери. Я вела его в последний год перед разводом родителей. Где-то наверняка спрятаны и другие, совсем детские, но и здесь было над чем посмеяться. Я открыла вторую страничку и прочла запись от двенадцатого сентября:

«Ненавижу Кендис Райли! Эта мелкая сучка вечно портит нам жизнь. Сегодня она не отлипала от Джейка. Мелкая подстилка, готовая отдаться каждому. Неужели она не понимает, что по сравнению со мной она ничтожество?»

Рядом была приклеена фотография той самой Райли с нарисованными усами и зубами, закрашенными чёрным маркером. М-да, сомнения мне не занимать. И это в четырнадцать лет. Впрочем, никто из одноклассников не стал бы отрицать, что Кендис взаправду была жутко противной девочкой, терроризировавшей вместе со своими вечными подпевалями Иви и Сарой половину класса. Райли люто ненавидела нас с Абрамсон. Считала соперницами за титул «королев средней школы». Конечно, никто никого так не называл, да и титулов не присуждал. Разве что в мечтах самой Райли. Эта запись вызвала на моём лице ностальгическую улыбку.

ку, и я, пролистав пару шелестящих страниц, остановилась на тринадцатой, датируемой двадцатым октябрём:

«Чёрт. Вчера был день рождения Марисы, и я целовалась с Эриком. Как я могла такое допустить? Это как целовать бабушку... Или руку. В любом случае это мерзко и никогда не должно повториться».

Эрик Донован был моим лучшим другом с шестого класса. Озорной рыжеволосый парнишка. Познакомилась с ним, когда мы закончили начальную школу и перешли в среднюю. Я сразу поняла, что с Эриком будет невероятно весело, и первая подошла, предложив дружбу. Он, я и Фил Моррис стали неразлучной троицей. Вместе прогуливали уроки, пока Тесса усердно училась. Они пытались научить меня рисовать граффити, играть в футбол и кататься на роликах. Донован изначально питал ко мне романтические чувства. Но нравился ли мне когда-то по-настоящему парень, который был готов ради меня на всё, чья щенячья преданность не оставляла сомнений в его чувствах? Это был один из тех немногих вопросов, ответ на который я знала безоговорочно. Нет. Никогда. И я не единожды повторяла об этом. Какое-то время, ещё до развода родителей и разочарования во всех романтических чувствах, мне казалось, что, быть может, вот оно, такие и должны быть отношения. Ведь всё было бы так просто, привычно. Быть может, так и нужно? Не обязательно любить самой, тогда не придётся страдать потом. Но чем дольше мы дружили и общались, тем больше я

понимала, что мои чувства схожи с сестринскими. И при таком раскладе даже банального «жили долго и счастливо» не выйдет. Несомненно, я была благодарна Эрику за все минуты, проведённые вместе, за исключением тех, когда он вёл себя как полный придурок. И даже это не могло испортить моей дружеской привязанности к рыжеволосому парню. Как же мне хотелось увидеть их вновь. Долбаная мать со своим наказанием.

Я вздохнула и перешла к следующей записи от восьмого ноября:

«Сегодня я подожгла волосы Райли. Теперь она стрижётся под мальчика. Будет знать, стерва!»

И сразу же от девятого ноября:

«Директор оставила меня на месяц после уроков. Моя жизнь – сплошное разочарование».

И ещё около двадцати страниц такой же забавной чуши. Последняя, датированная шестнадцатым декабрём, была написана кривым почерком со следами от упавших на страницы слёз:

«Родители развелись. Моя жизнь кончена...»

Больше записей не было. Слабость и жалость к себе вновь окутали меня. Когда же это пройдёт?

Печально вздохнув – кажется, это стало моей особой фишкой, медленно опустилась на кровать. Откинулась головой на подушки и всем телом зарылась в одеяло, попытавшись не расплакаться. Я чувствовала себя круглой идиоткой.

Мало того, что вынужденно переехала в этот чёртов дом, так ещё и с какой-то радости наивно решила, что найду тут хоть какое-то понимание и сочувствие. Дура! Стало горько и обидно.

Повернулась на бок и замерла, услышав вибрацию своего смартфона. Судорожно вздохнула и провела пальцем по экрану, открыв входящее сообщение:

«Как насчёт того, чтобы сбежать из заточения и немного повеселиться? Буду ждать завтра в семь у моего дома», – Тесса. Милая, добрая Тесса. Всегда такая правильная и рассудительная. Её сообщение подняло настроение. Редко можно было услышать из уст Абрамсон подобные предложения. Скорее наставления о том, что нельзя обманывать родителей и прочие занудства. Захотелось набрать номер подруги и подколоть ту, но усталость и моральная истощённость дали о себе знать, и я медленно погрузилась в сон без сновидений.

Глава 6. Лекси Рид.

Моё пробуждение было лёгким. Наконец-то выпалась. И мать почему-то не спешила будить. Лениво потянувшись, я сбросила с себя одеяло и присела на кровати.

С кухни доносился приятный аромат свежеиспечённых панкейков. Я обожала блинчики, в любой их вариации. Готова была питаться исключительно ими. Неужели Джоан помнила? Это показалось подозрительным.

Решив не затягивать и прекратить истязать свой много-страдальный желудок, натянула шорты, футболку и спустилась на кухню. Мать суежилась возле плиты и явно пребывала в хорошем расположении духа. Я присела за стол и дожидалась свою порцию. Впервые за пять дней, проведённых с этой женщиной под одной крышей, мы будем завтракать вместе.

Рид-старшая сняла фартук, весело что-то напевая себе под нос, и поставила передо мной тарелку с восхитительно вкусно пахнущими пышными панкейками. У меня едва не потекли слюнки. Следом на столе появились две кружки свежесваренного малинового чая с лимоном и корицей.

– Александрина.

Больше всего на свете я ненавидела своё полное имя. Иногда мне казалось, что мать специально назвала меня именно так, чтобы издеваться.

– У нас немного изменились планы. Переезжаем завтра вечером, дабы подготовить дом к приезду Дейва и Никола-са, – с серьёзным видом изрекла Джоан. – Завтра с утра ты должна наведаться в школу. Осталось всего две недели до начала учёбы, и тебе нужно встретиться с миссис Тревино, чтобы получить своё расписание.

Совершенно забыла про школу и старую стерву Тревино, а ведь на носу двенадцатый класс и выпускной. Никогда не любила нашу школьную директора.

Стало понятно, отчего моя мать буквально светилась от счастья. Мы переезжаем чуть раньше, чем планировалось, и совсем скоро она сможет видаться со своим мужиком сутки напролёт. Как там Джоан сказала зовут этого сопляка? Николас? Наверное, его так же как и меня, назвали дурацким именем, чтобы издеваться. Николас. Ха! Словно какой-то дедок в клетчатом свитерке на потёртом от времени кожаном кресле у камина, раскуривающий трубку. Я бы даже почувствовала мальчишке при других обстоятельствах.

– Хорошо, как скажешь. Съезжу в школу, только после обеда. Если ты не против, – поспешила добавить я.

Старшая Рид поставила передо мной лимонный джем, сахарную пудру и нутеллу. Нет, она точно хотела задобрить меня, ведь знала, что это моё любимое. Я с радостью принялась мазать блинчики всеми вкусностями сразу.

– Я не против. Кстати, Лекси, – я чуть было не подавилась. Серьёзно? Мать редко называла меня так. – На сегодня ты

свободна. Отпускаю тебя с Тессой вечером.

– Что? Откуда ты знаешь, что я хотела пойти с Тессой? – спросила я и округлила глаза, во всех красках представив, что Джоан читала мою с блондинкой переписку.

– Утром звонила твоя подруга и умоляла отпустить тебя. Сказала, что очень скучает, и обещала приглядеть за тобой. Я доверяю Тессе, она хорошая девушка, – с серьёзным видом сказала Джоан.

– Фпафибо, – пробормотала я, дожёвывая кусочек блинчика.

– Александрина! Не говори с набитым ртом! Это не культурно! Как ты замуж собираешься выйти с такими манерами? – осуждающе проговорила мать и поспешила удалиться.

Эх, а я уж было подумала, что у нас сложилось подобие нормального разговора.

Ближе к пяти часам вечера я приступила к сборам. Почему-то сегодня хотелось выглядеть идеально. Не то, чтобы в другие дни я выглядела плохо, просто после пятидневного заточения хотелось порадовать свою персону. Именно себя. Ведь наряжаться для кого-то ещё, кроме себя любимой, я считала глупым.

Была лишь одна проблема: Абрамсон не сообщила мне, куда мы пойдём, и держала всё в строгой тайне. Потому я абсолютно не представляла, что же одеть. После недолгого раздумья остановила свой выбор на туфлях-лодочках телесного

цвета на высоком, но устойчивом каблуке. Подобрала лёгкое кружевное платье нежно-мятного цвета. Оно казалось мне безупречным: облегающее в районе груди и переходящее в юбку-солнце, доходящую до середины бедра. Превосходно для жаркого вечера августа. Придала более аккуратную форму своим локонам, заколола две прядки по бокам. Специальную сыворотку для кудрявых волос я приобрела ещё пару лет назад, когда их стали массово продавать во всех магазинах с косметикой. «Избавит вас от всех проблем с непослушными волосами» – такая незамысловатая реклама ударила прямо в цель. Мои волосы не были сильно непослушными. Я часто благодарила природу за отсутствие сеченых кончиков, и всё же иногда они имели собственную волю и разум. Буквально жили своей жизнью, в дождливую или снежную погоду превращавшись в нечто пушистое и не особо привлекательное. И им, волосам, категорически было наплевать на мнение своей хозяйки.

Макияж нанесла повседневный: немного туши, матовая помада в оттенке нюд. Никогда не любила слишком яркие или чрезмерно тёмные текстуры на своём лице. Исключением были только светло-коричневые смоки айс, которые я любила наносить на вечеринки.

Покрутившись перед зеркалом, сделала вывод: смотрелась я просто прекрасно. Улыбнувшись своему отражению, вышла из спальни, спустилась вниз и направилась к выходу. Джоан дома не было. Даже жаль. Мать ведь всегда мечтала,

чтобы я выглядела именно так, как сегодня. Наверняка опять со своим мужиком развлекалась. От одной мысли об интимной жизни старшей Рид меня передёрнуло. Это казалось отвратительным, но я старалась абстрагироваться как могла. По крайней мере, последний день перед переездом. Стоило насладиться более или менее мнимой свободой.

На улице стояла замечательная погода. Никогда не устану повторять, как я люблю природу Монтаны.

Солнце клонилось к закату, освещало улицу золотистыми лучами, создав впечатление тепла и уюта. Сад возле нашего дома заиграл новыми красками. Лёгкий ветерок приятно обдувал кожу. Моё отличное настроение соответствовало солнечной ласковой погоде. В этот вечер я почувствовала небывалый подъём сил, но отчего-то ощущала необъяснимое волнение.

Как только подъехало такси, я тотчас забралась на заднее сиденье. Если честно, терпеть не могла такси и таксистов. На мой взгляд, это необычайно опасные люди. Никогда не знаешь, что у них на уме. Живя в Сиэтле, я ездила с личным водителем отца, а к началу учёбы, в этом сентябре, папа обещал подарить мне собственный автомобиль. Теперь этому, по всей видимости, не суждено сбыться. Что ж, жаловаться я не привыкла, потому имела то, что имела.

Всего каких-то десять минут, и мы приехали к дому семьи Абрамсон. Я всегда восхищалась архитектурой этого здания: огромный белый коттедж с синей крышей, вычурными ко-

лоннами и множеством балконов. Бассейн на заднем дворе – моя особая любовь. А сколько весёлых воспоминаний о наших с Тессой и её старшим братом посиделках возле него. Моя меркантильная мать всегда завидовала жилищу Абрамсонов, хоть и не произносила этого напрямую. Однако зачастую упоминала то, как хорошо жила эта семья, в отличие от нас. Когда мы с родителями перебрались в Миссулу пятнадцать лет назад и приобрели наш маленький домик, отец был совсем небогат. И, несмотря на последующие годы и изменившуюся ситуацию, он почему-то не хотел покупать другой дом. Артур Рид, в принципе, не любил выставлять своё богатство напоказ. Даже наша квартира в Сиэтле была достаточно скромна в сравнении с квартирой крёстного. Единственной страстью отца были дорогие автомобили. Но это уже совершенно другая история.

Тесса стояла возле ворот, дожидаясь меня. Подруга выглядела, как всегда, бесподобно. Кремовые балетки-лодочки с изящными застёжками, струящееся светло-розовое платье чуть выше колена. Волосы забраны в аккуратный пучок, в ушах еле заметные жемчужные серьги. Я поняла, что не ошиблась с нарядом. Увидев подъехавшее такси, девушка радостно помахала мне рукой и запрыгнула рядом, назвав адрес водителю.

– Тесс, что ещё за сюрпризы?

– Всё узнаешь, когда приедем, – хитро прищурившись, протянула подруга.

– Зануда.

Абрамсон добродушно рассмеялась, но больше не выдавала из себя ни слова. Вскоре автомобиль остановился на нужной улице, и я поняла, что никогда не бывала тут раньше. Расплатившись с водителем, мы вышли возле совершенно непримечательного узкого переулка. Здания из красного кирпича и такая же брусчатая дорога, клумбы с нарциссами, ирисами и астрами обрамлённые аккуратными бордюрами. На соседнем здании противно шумел кондиционер, конденсат из которого образовал небольшую лужицу на дороге.

Тесса схватила меня за руку и уверенно направилась в сторону входа, явно сдерживая шаги. В ней всегда чувствовалась привычка к быстрой ходьбе, но, несмотря на это, Абрамсон имела осанку балерины: ступала мягко и легко, спину держала прямо, словно вытягивалась вверх ещё больше. Я внимательно, но без суетливого беспокойства ещё раз окинула незнакомую улицу взглядом.

– Ты уверена, что нам стоит туда идти? – с подозрением спросила я подругу.

– Просто доверься мне.

Зайдя внутрь, я быстро поменяла своё мнение. Сам бар оказался невероятно стильным изнутри. Опять-таки, с заведениями в Сиэтле не сравнится, но для Миссулы эффектно. Первое, что бросалось в глаза – это столики недалеко от входа, над которыми с потолка свисало множество лампочек разного размера, а пол и стены возле них подсвечивались го-

лубым. Затем роскошная барная стойка из белого мрамора с высокими стульями, имеющими золотистые ножки. Напротив неё в два ряда, лицом друг к другу, располагались столики с мягкими тёмно-синими диванами и такими же навесными лампами, как на входе. Как ни странно, народу было довольно много, даже несмотря на то, что часы показывали всего лишь восемь часов вечера, а на пустых столах стояли таблички с надписью «зарезервировано». Тесса решительно направилась вглубь, к зоне с диванами. Каково же было моё удивление, когда я заметила удобно сидевших за одним из столов Эрика и Фила. Так вот какой был сюрприз, устроенный для меня подругой.

– Какие люди, – довольно протянула я. – Эй, Донован, вытри слюни и прекрати представлять меня обнажённой.

Мне всего лишь хотелось подколоть его, но, кажется, он воспринял меня всерьёз.

– Рид? Вот я тормоз, не сразу тебя узнал! Какая ты красивая! Даже лучше, чем на фотках в соцсетях.

Эрик вскочил с дивана и раскрыл руки в приветственных объятиях. Я радостно прижалась к другу. Он стал заметно выше и подкачался. Наверняка в школе многие девчонки сходили по нему с ума. Парень провёл рукой по моим волосам и замороженно взглянул на меня.

– А меня обнять? – состроил обиженную гримасу Моррис. Я подошла к Филу, приобняв парня. Тот в ответ дружески похлопал меня по спине.

– Да, ребята, я снова с вами. Соскучилась, – честно признала я.

Я и правда скучала по этим двоим. Они всегда умели поднять настроение, даже когда было очень грустно. Как же оба изменились! Я не верила своим глазам: Эрик из смешного нелепого парнишки с огненно-рыжими волосами превратился в высокого, в меру подкачанного юношу. Взгляд светло-карих глаз стал взрослее, но не потерял хитринку. Если раньше веснушки его немного портили, то сейчас придавали шарма. Лицо потеряло детскую припухлость, стало более овальным, а подбородок заострился. А Фил? Раньше он был обычным пухлым нескладным мальчишкой, носившим круглые очки и мечтавшим учиться на Гриффиндоре. Сейчас передо мной стоял худощавый брюнет с нагловатым прищуром почти чёрных раскосых глаз. Я была безумно рада их видеть.

– Спасибо, Тесса, – радостно провозгласила я, усевшись рядом с друзьями и взяв в руки меню. – Это самая лучшая из твоих идей, честно.

– Вообще-то, сюрприз тебе устроили ребята, – сооротив совершенно невинное выражение лица, произнесла Абрамсон. – Я только помогла.

Заказав кувшин грейпфрутового лимонада и тако, мы принялись болтать обо всём на свете. Ребята спрашивали про мою жизнь в Сиэтле. Мы частенько за минувшие четыре года переписывалась в «Снэпчате». И всё же живого обще-

ния он не мог заметить. Я с радостью поведала им про все свои приключения, умолчав о последних трагичных днях. Сегодня первый день после смерти отца, когда я чувствовала себя сравнительно нормально. Плохие мысли улетучились, оставив место лишь безграничному веселью. За это я была благодарна своим замечательным друзьям.

– Хочешь сказать, что ни капельки не скучаешь по Сиэтлу? – удивлённо спросил Эрик. – Всё же ты жила там несколько лет.

– Нет. Совсем нет. Без отца этот город стал для меня чужим. Не думаю, что вернусь туда когда-либо, – грустно ответила я и, запустив пальцы в свои выгоревшие на солнце кудри, провела рукой ото лба вверх. – Так, теперь ваша очередь отвечать на вопросы. Что новенького в школе?

– Ну, например, Кендис Райли всё такая же тупая сучка, – начал Фил. Мы все дружно рассмеялись. – Наверняка упадёт в обморок, когда узнает, что ты вернулась. Лекси Рид – её личная заноза в заднице.

– Хотелось бы увидеть её лицо в этот момент, – улыбнувшись, ответила я.

– А теперь новость года! – радостно провозгласил Доно- ван. – Моррис больше не девственник!

В этот момент я как раз отпила из бокала лимонад и чуть не поперхнулась от смеха. Конечно, ребята всегда любили подшутить друг над другом, но эта шутка показалась особенно забавной. Дальше друзья наперебой рассказывали мне

всякие смешные истории. Например, о том, как на одной из вечеринок заперли подружек Райли в туалете, а Кендис истерично визжала на весь дом, пытавшись их вызволить. Или как Фил встретил свою девушку Мию. Как ребята напились, проиграв желание, и голые убегали от полицейских. И ещё множество подобных историй. Я громко и задорно смеялась, даже не заметив, как в какой-то момент Эрик пересел ко мне, слегка приобняв. Я расценила это как дружеский жест и не стала придавать его поступку большого значения. Мы бы и дальше беззаботно болтали, если бы я не увидела, как Тесса заинтересованно вглядывалась в сторону входа в бар и немного нервно постукивала ноготками о стол. Я проследила за взглядом подруги и увидела... Вот дерьмо! Просто грёбаное дерьмо!

Прямо по залу между столиками гордо шествовали трое до невозможности красивых парней. Юноши были невероятно привлекательны, как будто Бог соревновался сам с собой, пытаясь сделать самых красивых людей на всей планете. Однако моя проблема заключалась в том, что это эти трое, те самые ублюдки из клуба. Наконец-то мне удалось разглядеть их получше.

Первый – высокий, хорошо сложенный блондин с тёплыми голубыми глазами. Юноша будто улыбался лишь ими. Белая рубашка с вертикальными синими полосками, расстёгнутая на пару верхних пуговиц, оттеняла бледноватую кожу. А белёсые тканевые шорты с коричневым ремнём и такого

же цвета кроссовками подчёркивали длинные ноги. Достаточно симпатичный, но совершенно не в моём вкусе. Юноша был тем самым Максом, что приставал к Абрамсон.

Следом за ним шёл мулат с таинственно-загадочным взглядом прекрасных зелёных глаз. Кучерявые волосы цвета горького шоколада, лежавшие в лёгком беспорядке, обрамляли лицо, украшенное высокими скулами. Его чёрные брови, будто нахмурены из-за чего создавалось впечатление, что брюнет чем-то недоволен. Нахальная улыбка украшала пухлые губы. Цветастая охровая рубашка с коротким рукавом прекрасно сочеталась со рваными тёмными джинсами и чёрными кедами. Его я встретила в ту самую ночь возле клуба.

Но самое ужасное было то, что замыкал троицу, бросая надменный взгляд по сторонам, он – мой персональный кошмар.

Уже второй раз я не могла оторвать от сероглазого парня взгляд. Меня словно магнитом тянуло к нему. Его тёмные волосы слегка растрёпаны, что безумно шло юноше. Лицо с широкими скулами, слегка загорелая кожа, идеально прямой греческий нос. Какой же он красивый. Как Бог, не меньше. Ростом наверняка около шести с половиной футов,⁶ в чёрном свитшоте и чёрных джоггерах. Только кроссовки были идеально белыми, будто он только-только достал их из коробки.

Я не знала, сколько его так разглядывала, пока сероглазый

⁶ Шесть с половиной футов – ровно шесть футов пятьдесят дюймов равняются одному метру ста девяноста сантиметрам.

не заметил мой интерес. Брюнет выругался, скривил губы, нахмурил брови, закатал рукава толстовки, обнажив сильные руки с выступающими венами. Потрясение на его лице сменилось раздражением и ненавистью в холодных миндалевидных глазах. И почему мне показалось, что в них пламя? Там лёд. Нет, айсберг льда.

Я резко отвернулась. Не хватало ещё, чтобы он понял причину моей растерянности. Я перевела взгляд на Тессу.

– Что будем делать? – взволнованно спросила на ухо подруга, пожав худощавыми плечами. – Может, поздороваемся?

– Сделай вид, что ты их не заметила.

И как мой голос мог оставаться таким спокойным, когда по телу пробежала мелкая дрожь? Абрамсон рассеянно кивнула.

Бывшие одноклассники удивлённо посмотрели на нас, но я отмахнулась, мол: «Всё хорошо». Мне нужно было себя чем-то занять, и я залпом осушила стакан. Стало полегче, и я немного расслабилась. Боковым зрением заметила какое-то движение и оглянулась. Вот чёрт. Они уселись за столик прямо напротив нас! Почему это всегда происходило именно со мной и я обязательно должна была попасть в такую нелепую ситуацию? Просто не нужно обращать на них внимание. Это ведь совсем не сложно.

– Лекси? – позвал меня Эрик. – Хочешь потанцевать?

У меня не было абсолютно никакого желания танцевать

с Донованом, но я была готова согласиться на что угодно, лишь бы как можно быстрее убратся подальше от этого понижающего ледяного взгляда. Потому приняла руку Эрика, который галантно помог мне подняться и повёл в сторону танцпола. Хотя, скорее подобию танцпола, ведь это всё же был бар, а не танцевальный клуб. Играла приятная ритмичная мелодия, и мы неспешно задвигались под музыку. Рыжеволосый парень непринуждённо проводил руками по моей талии, а я отвечала движениями бёдер, слегка прижавшись спиной к его груди, вскинув руки вверх. Судя по восторженной реакции Тессы, которая о чём-то шепталась с Филом, смотрелись мы неплохо. Я чувствовала на себе несколько восхищённых взглядов с разных сторон, но меня интересовал только один. Почему-то я отчаянно желала, чтобы именно он заметил меня. Возможно, хотелось самоутвердиться.

Я бросила быстрый взгляд в сторону сероглазого юноши. Он сидел, вальяжно развалившись на диване, медленно выпускал дым от кальяна и разглядывал стакан, наполненный янтарной жидкостью. Этот парень даже не смотрел в мою сторону. Видимо, и в клубе мне показалось. Тень расстройства наверняка отобразилась на моём лице.

Внезапно чья-то тёплая рука легла мне на плечо. Я резко обернулась и чуть не врезалась в зеленоглазое чудо.

– Могу я надеяться, что такая прекрасная девушка, как вы, подарит мне танец? – галантно спросил парень, склонив голову набок, пожирая меня глазами.

– Только один, – игриво ответила я, откинув волосы назад.

Чёрт, я что, флиртовала с ним? Он симпатичный, вполне в моём вкусе, но флиртовать? Нет, я определённо делала это, дабы привлечь внимание его друга, не иначе. Потому и согласилась на танец.

– Эрик, всё нормально, ты иди, – обратилась я к разнервничавшемуся и уже было открывшему рот рыжеволосому парню.

Донован, прищулив глаза, злобно взглянул на мулата, но всё же удалился. Заиграла спокойная мелодия. Зеленоглазый юноша приблизился ко мне и положил свои руки на мою талию. Он был высокий, но ниже своих спутников. От брюнета пахло вишнёвыми сигаретами, а красивые глаза внимательно следили за мной.

– Меня зовут Чейз Эванс, – представился он. – А вас?

– Алекс. Меня зовут Алекс.

Конечно, это было подставное имя. Я использовала его в тех ситуациях, когда не хотела, чтобы меня узнали в лучшем случае или чтобы нашли в худшем. А пока я не знала его истинных целей и мотивов, мулату не стоило знать моё настоящее имя. Простая предосторожность, которой всегда учил отец.

– У вас очень красивое имя, Алекс, – обворожительно улыбнулся Чейз. – И вы сами просто замечательная.

– Ты меня не удивил, я это и так знаю, – парень ошарашенно взглянул на меня.

Да, наглость – моё второе «я». Решила обойтись без формальностей, ненавидела все эти «вы» с ровесниками. Такая вежливость, скорее в духе Абрамсон.

Вспомнив о Тессе, я принялась высматривать свою подругу среди других гостей заведения, и твою ж мать! Филя и Эрика словно след простыл, а моя подруга мило беседовала с тем самым придурком Максом, снова распивая какой-то коктейль. Неужели она не понимала, что не стоило вот так мило общаться с парнем, который пытался её то ли напоить, то ли потискать? Особенно учитывая то, что его друг с прекрасными глазами цвета стали: психованный, надменный, наглый, самовлюблённый мудака. Как говорила бабуля Рид: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты».

– Прости, – я резко вырвалась из объятий Эванса и поспешила на помощь подруге.

Мне казалось, я поступала правильно, оберегая девушку от этого сомнительного ухажёра. Он мог воспользоваться ей и бросить, а расхлебывать потом буду я. Стремительно подлетев к их столику, я выдохнула, успокаивая бешено стучащее сердце и спокойно заговорила:

– Ну, здравствуй, Макс. По-моему, я сказала тебе не приближаться к ней?

Наверное, у меня был взгляд, как у сбежавшей из психушки, потому что парень озадаченно и испуганно вытаращился на меня. Правильно, бойся. Со мной лучше не шутить.

– Снова ты.

Ох, этот прекрасный бархатный голос. Стоп, Лекси! Какой нахрен голос? На тебя только что наехал здоровенный придурок, а ты думаешь о его голосе?

Он стоял напротив меня. Весь вид сероглазого юноши говорил о том, что его очень забавляла вся ситуация. В глазах полыхал игривый огонёк. Выражение «фантастически красив» мало что объясняет, но, тем не менее... Он был фантастически красив. И всё же необычайно злил меня. Почему лез не в своё дело? Я ведь обращалась к его другу, и, по всей видимости, Макс был слабаком, не способным постоять за себя, раз не смог выдать из себя ни единого слова.

– Я не привыкла повторять дважды, – проговорила я тоном а-ля «ты охренел, кусок дерьма?»

– С чего ты решила, что можешь вот так приказывать мне? – улыбка мгновенно сошла с его лица, на её месте появилась гримаса злости. – Ты. Не. Можешь. Заставить. Меня. Делать. Что-либо. Поняла?

– Уйди нахер с дороги, придурок, – я подошла ближе, уперев руки в бока, и уже отчётливо заметила полные ярости глаза.

Меня ужасно бесил тот факт, что я не знала, как себя вести с этим человеком. На каждую мою колкость приходилось две его.

– Разве тебя кто-то держит? Или просто боишься подойти ко мне ещё ближе?

– Я ненавижу тебя, кем бы ты ни был, – прошептала я и

отступила на шаг. Он не сдвинулся с места ни на дюйм.

– Поверь, твои чувства взаимны, – высокомерно ухмыльнулся брюнет.

Мы так и стояли друг напротив друга, вглядываясь в лица ещё несколько мгновений, казавшихся вечностью. В его ледяных глазах было столько презрения и отвращения, что казалось, большей ненависти не бывает. Брюнет смотрел, слегка прищулив глаза, и криво ухмылялся, но выражение его лица не выдавало ни презрения, ни насмешки, из-за чего я смутилась ещё больше. Как можно быть таким безразлично-холодным? Резко обернулась, не в силах больше выдерживать его тяжёлый взгляд, тем самым разорвав зрительный контакт, и быстрым шагом направилась прочь из бара. Тесса поспешила следом.

Этот юноша единственный, кому удалось вывести меня на такие эмоции. И брюнет ещё пожалеет об этом. Обязательно. Кем бы, чёрт возьми он ни был.

Глава 7. Лекси Рид.

Есть люди, которые меня ненавидят. Пусть ненавидят. Есть люди, которые меня любят. Пусть любят. А есть люди, которые меня ненавидят, но делают вид, что любят. Вот таких ненавижу я. Эстер Тревино, наша школьная директор, прекрасно подходила под последнее определение. За все годы, проведённые в этой школе, мы вели необъявленную войну. Старая стерва никогда не упускала возможности наказать меня или поиздеваться. Вот и сейчас женщина сидела напротив, сузив свои и без того маленькие глазки.

– Так-так, – манерно растягивая слова, произнесла миссис Тревино.

Она всё такая же, как я её помнила: короткие седеющие волосы выкрашены в оттенок медового блонда и зачёсаны назад. Прямые высокие брови нахмурены, тонкие втянутые губы накрашены тёмно-красной помадой. Она пыталась скрыть недовольство, когда просматривала на её удивление, неплохую характеристику из предыдущего учебного заведения.

– Решили вернуться в школу, Рид?

– Вас что-то смущает, миссис Тревино? – наигранно милым голосом произнесла я.

– Нет, что вы, Александрина, я очень рада вашему возвращению в школу, – с притворной усмешкой проговорила ди-

ректор. – Я согласна принять вас обратно только из-за просьбы вашей матери, но с одним условием.

Чёрт, так и знала.

– Какое условие?

– Если вы, мисс Рид, нарушите хотя бы одно школьное правило, я, не задумываясь, исключу вас. Назначаю испытательный срок, я ещё не забыла ваши прошлые выходки.

Вот же стерва. Знала, что наверняка нарушу, и не раз. Безусловно, будет ждать моей промашки с нетерпением.

– Могу заверить, такого не повторится, – не моргнув глазом, соврала я. – Я о-о-очень изменилась.

– Хорошо, Александрина. На этом наш разговор окончен. Своё расписание можете забрать у моего секретаря.

– До свидания, миссис Тревино, – я надеялась, что мой тон прозвучал вежливо.

Всё-таки стоило постараться произвести на строгую женщину благоприятное впечатление для будущей характеристики в университет. И всё же я была на все сто процентов уверена, что хорошего она обо мне точно не напишет.

На выходе из кабинета меня уже ждал молодой, по меркам директора, конечно же, секретарь. И где она их только находила? Уверена, Тревино спала с ним. Не зря про их развод с мужем ходили разговоры по всему городу. Бедняга просто не выдержал отвратительный характер своей супруги. Либо она достала его так же, как всех выпускников этой школы. Мужчина протянул мне конверт с расписанием и молча про-

пустил к выходу. А я задумалась о том, что у Эстер Тревино и любимчиков не было, женщина умудрялась докапываться даже до круглых отличников.

Выйдя из знакомого здания, оглянулась по сторонам. Погода сегодня была просто замечательная, и я решила неспешно прогуляться по городу. У меня оставались ещё полтора часа свободного времени до приезда грузчиков, а значит, я успевала. Включив любимый трек на смартфоне, я медленно зашагала по улице. Как же мне нравилась эта улочка, в особенности осенью, так как на ней были высажены только лиственные деревья, и в сентябре-октябре она пестрила жёлто-оранжевыми красками. Мой дом находился совсем недалеко от школы, и в детстве я всегда возвращалась этой дорогой.

После полудня наступила изнуряющая жара. Но внезапно на небе стали появляться тучи. Подул сильный ветер. Разгулялась непогода. Нужно было ловить такси, а я ведь так хотела погулять подольше. Порывы ветра становились всё сильнее, а тучи уже скрыли солнце. Резко похолодало, в воздухе запахло грозой. На землю упали первые крупные капли дождя. Сверкнула молния и наконец, хлынул дождь, да такой сильный, что уже через секунду очертания ближайших домов исчезли в серой влаге. Мощные струи безжалостно били меня по лицу. А я задумалась о том, как глаза незнакомца похожи на этот ливень. Такие же серые и ожесточённые. Штормовые потоки ветра нагнали не только тучи, но и страх: по-

рывы были настолько свирепыми, что гнули деревья к земле.

Я подавила в себе навязчивое желание встать посреди пустой улицы, прямо под дождём и надрывно орать, пока не сядет голос. Как же всё, чёрт возьми, достало!

Спрятавшись под крышей ближайшего магазина, попыталась вызвать «Убер» но, как назло, все автомобили были заняты. Сложилось впечатление, что город просто вымер. Ни одной машины не проехало мимо. И мне ничего не оставалось, кроме как бежать домой под дождём, пока ливень впиался ледяными каплями в успевшую нагреться землю.

– Где тебя носило, Александрина? – на пороге дома меня встретила разъярённая Джоан.

– Не спросишь, как у меня дела?

– Немедленно помоги мне! Мы и так выбились из графика на час, а всё из-за твоей безответственности!

Эта женщина даже не обратила внимание на то, что её дочь вернулась домой до ниточки промокая и продрогшая. Её интересовал только переезд. Мне стало тошно от такого поведения матери. Любой нормальный человек хотя бы проявил сочувствие.

– Bravo, ты просто мать года, – съязвила я, но всё же отправилась за своими вещами.

Что ж, мамочка, ты ещё пожалеешь об этом, как только твой мужичок переступит порог нового дома.

Ехали мы, как мне показалось, слишком долго. Новый дом

расположился на самой окраине города, где находилась только частная застройка, вдалеке друг от друга. Явным плюсом было то, что никаких соседей за забором не встретишь. Но я абсолютно не имела понятия, как буду добираться оттуда до школы, ведь автобусы не забирали учеников в том районе.

– Мы будем жить в лесу, как волки? – саркастическим тоном провозгласила я, глядя в окно.

– Не пори чушь, – фыркнула мать, обернувшись и недовольно взглянув на меня. – Не забудь разобрать коробки до приезда Дейва.

Я проигнорировала Джоан и продолжила всматриваться в окошко. Последние золотистые лучи заходящего солнца пытались просочиться сквозь листву многовековых деревьев молчаливого леса. Он разросся почти непроницаемым и дремучим. Толстые стволы высоченных сосен стояли стеной и охраняли обширные лесные владения, могучими гигантами возвышаясь над землёй. Я облокотилась лбом о прохладное стекло и не успела заметить, как погрузилась в дрему.

Меня растормошила изрядно раздражённая Джоан, сообщив, что мы приехали. Уже порядком стемнело, и всё же двухэтажный дом, к которому от подъездной дорожки вела садовая, подсвеченная уличными светильниками, торчащими, словно грибы из идеально подстриженного газона, просматривался прекрасно.

Я выбралась из автомобиля и торопливо огляделась. Вокруг щебетали птицы, перекликались вороны, вдалеке ухну-

ла сова. А воздух такой чистейший, что хотелось сделать глубокий вдох и впитать его в себя, не выдыхая. Новый дом матери был красив без преувеличений: светлый фасад, обшитый белыми и местами тёмно-коричневыми гранитными плитами, сочетался с панелями из тёмного дерева. Декоративные кусты также безупречно подстрижены, разного размера камни, по задумке, известной только ландшафтному дизайнеру, хаотично выложены меж них. Крыша у дома плоская, балкон-терраса беспрерывный, окаймлял весь второй этаж. Верхушки сосен покачивались все в один такт. Над крышей и совсем чуть-чуть над лесом, окружающим дом, виднелось прекрасное звёздное небо, способное устранить моё смятение лишь одним своим дивным видом.

Я запрокинула голову вверх и вдохнула полной грудью влажный после дождя воздух, который поприветствовал меня запахом мокрого старого мха и древесины. Стало легче.

Чёрт возьми, наверняка такой домишко стоил целое состояние! Недаром моя меркантильная мать так вцепилась в этого Блэка. Судя по всему, её новый мужик довольно богат.

– Поднимешься по лестнице на второй этаж, сразу поверни налево, там находится твоя комната. Справа комната Николаса. Но, думаю, ты не ошибёшься, – монотонно начала Рид-старшая. – Разберёшь вещи, оденешься поприличнее и сразу вниз. Всё понятно?

– Угу. Рабство и ещё раз рабство, – себе под нос прошептала я. – Ещё и с этим мелким жить по соседству.

– Что ты там бубнишь?

– Дом красивый говорю, – уже громче произнесла я.

– В этом ты права, дочь, – мечтательно проговорила мать. – Иди, не трать время попусту.

Схватив одну из своих самых лёгких сумок, я направилась к дому. Внутри всё выглядело ещё более красивым, чем снаружи: большая гостиная комната, совмещённая с кухней и обеденной зоной. Серо-бежевые стены, пол из светлого дерева, два объёмных дивана в цвет стен, кухня из того же дерева, что и пол, с белыми шкафчиками и громадным кухонным островом. Возле диванов камин из чёрного мрамора, а подле панорамных окон большой обеденный стол. И, конечно же, огромный холодильник – самое прекрасное место во всём доме. Выглянув на задний дворик, я убедилась, что терраса с диванами и креслами вокруг кострища и открытый бассейн станут моим вторым любимым местом в этом аду. Оставалось надеяться, что новый «папочка» удосужился раскошиться на подогрев.

Поднявшись на второй этаж по лестнице, я оказалась в коридоре с пятью дверьми. Первая возле лестницы вела в маленькую гостевую спальню с двумя односпальными кроватями. Рядом с ней, небольшое кладовое помещение для всякого хлама. Левее находилась прачечная. Крайняя правая комната напротив гостевой – этого идиота Николаса. Крайняя левая предназначалась мне.

Прошествовав в свою спальню, я придиричиво огляделась.

И сразу наткнулась на дверь, отворив которую, я смогла лицезреть ванную комнату. Долбаную совместную ванную комнату, соединённую с нашими с «братиком» спальнями, межкомнатными дверьми, мать вашу. Нет, серьёзно? Я должна делить душ, ванну и всё остальное с кем попало? Радовало то, что спальня Джоан и Дейва находилась внизу. Хотя бы не придётся слушать ночами подробности интимной жизни престарелой парочки.

На первый взгляд спальня была очень уютной и выполненна всё в тех же светлых тонах. Уже обставлена со вкусом. Сразу было заметно, что мать приложила к этому свою руку. Удивляло то, как она справилась с этой задачей за какую-то неделю. Большая двухспальная кровать с множеством подушек, рядом ворсистый ковёр, зона отдыха с мягким креслом, письменный стол и полочка для книг. И, конечно же, отдельная гардеробная с множеством шкафчиков и полочек для вещей, столиком для макияжа. Спальная пришлась мне по вкусу, хоть и выглядела слегка по-девчачьи. Но был в ней один существенный минус... Розовые шторы. Не то, чтобы я ненавидела этот цвет и его оттенки, скорее была равнодушна, но Джоан прекрасно знала о моей любви к голубому. Наверняка специально выбрала именно их. Спасибо, что не цвета фуксии.

— Интересно, а эта ошибка природы в виде новоявленного братца также ненавидит розовый, как и все мальчишки? — задумчиво поинтересовалась я у собственного отражения и

перевела хитрый взгляд на увесистые шторы, злорадно так усмехнувшись.

Быстренько сняв их с держателей, я направилась напрямиком в соседнюю спальню.

Его комната мало чем отличалась от моей, но выглядела немного скучно: тёмно-серый шкаф, такого же цвета постельное бельё на светлой кровати, одна из стен отделана тёмным деревом в цвет пола, гардеробная чуть меньше моей, рабочая зона с ноутбуком и книжные полки. Странноватый выбор для маленького мальчика. Словно комната какого-то студента холостяка. Стоило добавить цвета, не так ли?

Произведя обмен шторами и забрав себе его серые, я радостно хлопнула в ладоши и, напев одну из любимых мелодий, отправилась переодеваться. Старшая Рид, конечно же, считала, что я тотчас приступлю к разбору коробок, которые грузчики уже успели занести ко мне в гардеробную. Но я решила иначе. Вытащив всё самое необходимое из сумки, подготовленной заранее, я завалилась на кровать и бесцельно листала ленту в одной из соцсетей, пока не услышала гневный окрик матери из коридора.

Натянула бесформенный мягкий бежевый свитер, свисавший на одно плечо, и коротенькие белые тканевые шорты, спустилась к Джоан на кухню. Мать, стоило отдать ей должное, выглядела бесподобно. В своём возрасте она имела прекрасную фигуру, неустанно подчёркивала это разнообразными нарядами. Вот и сегодня Джоан надела облегающее пла-

тьё немного ниже колен с объёмным рукавом насыщенного бордового цвета.

Старшая Рид уже расставила всю посуду по полкам, накрыла на стол, украсив его льняной скатертью-дорожкой и вазой с сухоцветами, и теперь копошилась подле плиты, готовив ужин.

– Александрина, ты не могла бы одеться попримечнее? – окинув меня взглядом, строго проговорила мать. – Сегодня первый семейный ужин, и мне хочется, чтобы всё было идеально.

– Этой твой праздник, Джоан, не мой. И я буду выглядеть так, как сочту нужным, – безразлично ответила я.

– Если ты сейчас же, – вскрикнула мать, но договорить ей не дали. – Здравствуй, дорогой! – женщина сию секунду соорудила невинное личико и лучезарно улыбнулась.

Я обернулась и заметила мужчину в возрасте, стоявшего в дверях собственного дома. Он был привлекателен: в коротко стриженных волосах виднелась проседь, а карие глаза смотрели на меня с задумчивым интересом. Идеально прямой нос, овал лица и широкие скулы напомнили мне кого-то, вот только я не могла понять, кого именно.

– Ну, здравствуйте, господин Блэк, – съязвила я, присев в шуточном реверансе.

– Дейв, эта маленькая хамка – моя дочь Александрина. Лекси, а это Дейв. Будь добра поздороваться нормально, – представила нас друг другу Джоан, пристально следя за ре-

акцией мужчины, прошедшего на кухню.

– Привет, Дейв. Я уже могу начинать называть тебя папочка? – одарив нового главу семьи милой улыбкой, спросила я.

Старший Блэк даже растерялся, по всей видимости, не ожидал подобной невежливости. А мать наградила меня взглядом, просто кричавшим: «У тебя огромные проблемы, девочка». Я знала, что позже Джоан обязательно придумает мне наказание, но невозможно хотела позлить мамочку. Наверняка этот самодовольный мужик уже жалел о том, что съехался с нами.

– Добрый вечер, миссис Рид! – донёсся до меня прекрасный бархатный голос.

Я развернулась на сто восемьдесят градусов и уставилась на юношу, что вошёл в дверь нашего дома, добродушно здороваясь с Рид-старшей. К счастью, до меня быстро дошёл ужас происходящего, и я обрела голос, буквально выпалив:

– Ты?!

Глава 8. Лекси Рид.

Сказать, что я была потрясена, значит, ничего не сказать. Я стояла посреди кухни, как громом поражённая. Что этот самовлюблённый, наглый, эгоистичный, напыщенный индюк тут забыл? В отличие от меня, на лице парня не дрогнул ни один мускул. Нет, это, наверное, какое-то недоразумение. Брюнет просто-напросто ошибся дверью. Или подрабатывал грузчиком. Да, точно, он привёз вещи Дейва и сейчас же уйдёт, не так ли?

– Здравствуй, Николас. Рада снова тебя видеть, – обратилась мать к сероглазому юноше, мило улыбнувшись.

Николас. Чёрт, да он же и есть сын старшего Блэка! Осознание этого настолько ошарашило, что я была не в силах вымолвить и слова. Новоиспечённый сводный братец, в свою очередь, тоже молчал. Я недоверчиво уставилась на Джоан, затем снова перевела вопросительный взгляд на брюнета, словно боялась расплаты за мною ранее высказанные в его адрес слова. Но, вопреки моим опасениям, на лице младшего Блэка царил прежняя невозмутимость, и лишь в глазах была крупница только мне заметного презрения.

– О, миссис Рид, я же просил. Просто Ник, – как ни в чём не бывало, откликнулось моё личное порождение ада и преспокойно уселось на диван.

Как же, дождёшься ты от мамочки, чтобы она назвала тебя

так, как того хочешь ты. И не мечтай.

Я была впечатлена. Хотя нет, признаюсь, даже шокирована. Ведь чтобы не испытывал внутренне этот парень, внешне он выглядел настолько невозмутимо, и сейчас глядел на меня всё с той же лёгкой ухмылкой на лице. Как сводный братец мог оставаться настолько спокойным, когда я из последних сил сдерживала свои эмоции, с каждым вдохом наполняясь возмущением всё больше. Блэк-старший так и остался стоять посреди кухни, по всей видимости, удивлённый моей реакцией. Наверняка счёл дочь своей возлюбленной умалишённой, но не спешил задавать вопросы.

Плевать. Я лучше повешусь, чем буду жить с этим!

– В таком случае просто Джоан, милый, – поспешно проворковала мать. – Что же вы стоите? Мойте руки и проходите к столу. Ужин почти готов, – она попыталась сгладить ситуацию, но я прекрасно знала, что допроса мне не избежать. – Александрина, покажи Николасу его комнату.

– Конечно, мамочка! – я натянула на лицо фальшивую улыбку и вновь присела в реверансе, схватившись кончиками пальцев за шорты и приподняв их, имитируя юбку.

Будь моя воля, Блэк бы спал на коврик в прихожей.

– Иди за мной, братец, – процедила я сквозь зубы и направилась к лестнице ведущей на второй этаж.

– Дети, через полчаса, чтобы были за столом! – предупредила Джоан.

Я кивнула, не оборачиваясь, и молча продолжила подни-

маться наверх. Младший Блэк поравнялся со мной и оценивающе оглядел.

– Надо же, Рид, не думал, что наша встреча состоится так быстро, – ехидно произнёс он. Захотелось врезать по наглой роже.

– Можно счесть это за комплимент? – фыркнула я.

– Ты слишком высокого мнения о себе, Рид. Кому-кому, а тебе комплименты я делать никогда не буду, – ответил он. Меня начало бесить это его «Рид».

– Вообще-то, у меня есть имя! – рявкнула я и, развернувшись к нему, взгляделась в наглое лицо.

– Ах да, точно, – протянул Блэк. – Вроде что-то на «А». Алекс? Нет, это имя тебе определённо не подходит. Алексис? Нет, точно нет. Я ведь помню, у тебя такое дурацкое, смешное имечко! Александрина? Угадал? – да он точно издевался, чёртов ублюдок. Нет уж, братец, сегодня тебе не удастся вывести меня из себя.

– Меня зовут Лекси. Думаю, твой крошечный мозг в состоянии запомнить эти пять букв, – выплюнула я, тяжело дыша, сдерживавшись, чтобы не ударить его.

– Точно. Я же говорю, дурацкое! – позлорадствовал Блэк.

– Вот твоя комната. И поскольку мы теперь соседи, то у меня есть парочка правил. В комнате не курить и не пить, друзей и девок не водить, громкую музыку не слушать. Всё ясно? – перечислила я, загибая пальцы, отворив дверь в его спальню.

– Всё сказала? Или добавишь ещё что-то? – он закатил глаза, надо полагать, едва сдержав смех.

– Да пошёл ты, придурок!

– Какая милая у меня сестрёнка. Но теперь это моя комната, так что сделай одолжение, выйди и больше не смей заходить, – произнёс сводный брат.

Прошёл в свою спальню и, вытолкнув меня из неё, захлопнул дверь прямо у меня перед носом.

– Ублюдок! – вскрикнула я, надеясь, что голос звучал ровно.

Спускаться на ужин не хотелось, и я надеялась, что моего отсутствия никто не заметит. Но Рид-старшая, по всей видимости, считала иначе. Вломившись ко мне в спальню, мать по пути постучала о дверной косяк и тотчас, гневно сверкнув глазами, выпалила:

– Александрина, быстро в мой кабинет!

Выслушивать её нотации не было совершенно никакого желания, но я нехотя поплелась за ней. Джоан грациозно прошла к дубовому столу и плавно уселась за большое кожаное кресло, положив ногу на ногу. Провела ладонью по деревянной поверхности и, задрав голову, уставилась на меня укоризненным взглядом. Сам кабинет выглядел очень уютным, вот только атмосфера была напряжённой.

– Что это было, Александрина? Почему повела себя подобным образом с Дейвом и Николасом, когда я просила те-

бя об обратном?

– Просила? – я горько усмехнулась. – Ты не просила, ты приказывала. А я не подчиняюсь приказам.

– Объяснись, будь добра. Ты уже знакома с Ником?

– Ник? Серьёзно? – мне захотелось рассмеяться в голос, истерично и надрывно от всей нелепости этой ситуации. – Не знаю я этого придурка и знать не хочу!

– Не смей мне врать, Александрина! – Джоан стукнула ладонью по столу, хмуря брови.

– Видела твоего обожаемого Ника мельком, когда его дружок подкатывал к Тессе. Так что какое это имеет значение? Даже имени этого идиота не знала.

– Ты ведёшь себя некультурно и позоришь меня! Николас, как и Дейв, теперь члены нашей семьи, так что прекрати дерзить и будь дружелюбна. Иначе у тебя будут огромные проблемы, – мать приподняла уголки губ в улыбке, вот только улыбка эта была совсем недоброй, а в глазах застыла немая угроза. – Я не Артур, чтобы терпеть и поощрять хамское поведение.

– Я не просила новую семью для себя! Мне не сдался ни новый отец, ни братец! Потому буду вести себя так, как посчитаю нужным, – с неприкрытой неприязнью отчеканила я.

– Ты моя дочь. И сделаешь так, как я скажу.

– Нам обоим было бы проще, оставь ты меня жить в старом доме. Тебе не пришлось краснеть за меня перед своим мужиком, а мне терпеть твои угрозы, – мой голос начал сры-

ваться, на глаза наворачивались слёзы. — Но ты продала его и притащила меня в этот дом, поэтому не дождёшься!

Мать резко поднялась с кресла и в два шага предстала передо мной. Рука Джоан внезапно оказалась слишком близко к моему лицу, и тишину вокруг рассёк хлёсткий звук пощёчины.

— Или ты будешь вести себя хорошо, или можешь забыть о наследстве. Больше не смею задерживать! — отчеканила она.

Лицо матери при этом оставалось совершенно бесстрастным.

Слёзы застилали глаза, когда я выбежала из кабинета, громко хлопнув дверью. Чёрт бы побрал этих Блэков! Быть может, всё это сон? Один из тех жутких кошмаров, которые мучили меня по ночам? Я не знала. Как родная мать могла так поступать со мной? Хотелось просто исчезнуть, провалиться под землю, чтобы ничего этого не было.

Меня обуяла ненависть. Я ненавидела мать, которой на меня наплевать, которая даже не пыталась меня понять. Ненавидела и эту чёртову семейку, с появлением которой моя жизнь только ухудшилась. Как же хреново. Душу будто разрывало на части. Я была совсем одна. Одна против всех. И не было тех, кто бы понял, защитил. Когда-то был отец, с которым я не знала забот и проблем. Он всегда был для меня крепостью, за которой я чувствовала уверенность. С ним никогда не было страшно. Артур Рид легко принимал решения за всех окружающих и требовал безоговорочного

выполнения его воли. Никто не перечил ему, иначе следовало немедленное наказание. Теперь его не было.

Отныне мне придётся выживать под одной крышей со своим злейшим врагом. Одно успокаивало – он ненавидел меня так же сильно, как и я его. Вот только на душе от этого не легче, и я не могла остановить всхлипы, рвущиеся наружу. Постепенно осознала, что в этот раз помощи ждать неоткуда. Моя судьба только в моих руках.

Я стояла, устало прислонившись лбом к стеклу. Мягкий лунный свет просачивался через макушки пушистых елей. На щеках высыхали слёзы. Я держалась, как могла. Я сильная. Вот только и сильных можно сломать. Время. Оно не лечило. Нет. Становилось только хуже. Посторонние вряд ли смогут заметить, да и близкие, если носить маску, тоже. Со стороны кажется, что я цела и невредима. И все окружающие начали считать, что иначе и быть не может. Ведь прошло пресловутое время. И совершенно неважно, что ночами я безутешно плакала в подушку. Со временем должно прекратится и это. А потом сарказм, холодность и безразличие. Чтобы ни одна живая душа больше не смогла проникнуть за эти стены. Ведь без живых душ легче. Видеть лживые улыбки проще и также лицемерно улыбаться в ответ.

Я легла на кровать и свернулась калачиком. Вот и пролежу здесь всю жизнь. Просто не буду вставать с постели. Кому какая разница? Никто и не заметит.

В попытке успокоиться начала выводить бессмысленные

узоры в блокноте. В какой-то момент карандаш в моей руке хрустнул и сломался. Я с ненавистью уставилась на кусок ни в чём не повинного листка. Внезапно услышала, как открылась дверь в мою спальню и, обернувшись на шум, я увидела сводного брата. Казалось, мир просто замер, сузившись до размера этой комнаты.

– Что ты здесь делаешь? – тихо спросила я. Наверняка всё слышал и пришёл поиздеваться.

– Если ты настолько тупа, то объясняю: я здесь живу, – огрызнулся Ник.

– Если ты настолько туп, то объясняю: какого хрена ты забыл в моей спальне? – парировала я. – Стоишь с девушкой, которую презираешь. Что, поговорить захотелось? – спросила с сарказмом, поднявшись с постели и уперев руки в бока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.